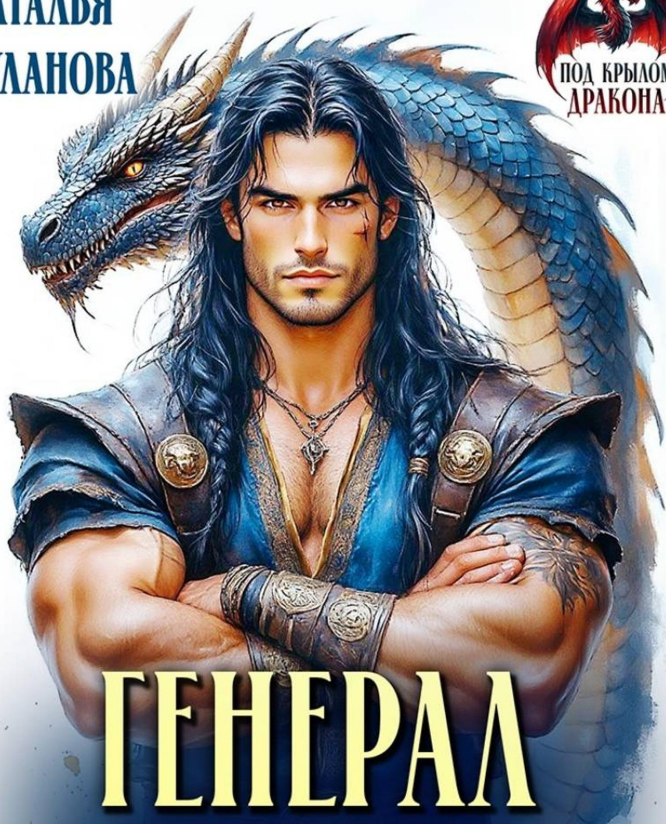

НАТАЛЬЯ
БУЛАНОВА

ГЕНЕРАЛ ДРАКОНОВ

ЕГО ОДЕРЖИМОСТЬ

18+

Наталья Буланова

Генерал драконов.

Его одержимость

<https://litres.ru/74175692>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я - одержимость генерала драконов. Что для меня опаснее - быть проклятием для всего мира или навязчивой идеей того, кто командует небом?

Он рискнул всем, чтобы обуздать меня - бесполезныша, что вобрала в себя черный огонь, спасая жизни горожан. Зачем? Не потому ли, что в его душе таится куда более страшная тайна? Или потому, что мы раньше уже встречались?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	23
Глава 7	29
Глава 8	35
Глава 9	40
Глава 10	47
Глава 11	53
Глава 12	59
Глава 13	65
Глава 14	70
Глава 15	75
Глава 16	79
Глава 17	82
Глава 18	86
Глава 19	92
Глава 20	96
Глава 21	100
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Наталья Буланова

Генерал драконов.

Его одержимость

Глава 1

— Амели, огонь в очаге у бабушки Хлои снова трещит!

Лео хватает меня за руку с недюжинной для восьмилетнего мальчика силой и тянет от двери Дарретов.

Его хватка полна отчаяния и веры в меня, и я киваю, стараясь не показать, насколько меня пугает эта новость. Спускаюсь с крохотного крыльца входа для слуг.

— Эй! — Госпожа Даррет высовывает свой длинный нос в осеннюю слякоть и морщится. — Девчонка, ты куда?

— Скорее, сестра! — Голос Лео звучит хрипло после перенесенной простуды.

Я и сама понимаю, что время не ждет.

— Простите, госпожа Даррет. Случилось кое-что серьезное. Я зайду к вам завтра с утра.

— Но нам нужно сегодня! Сейчас! — Она даже делает шаг из дома, но мы с Лео уже бежим прочь.

— Простите! — кричу на ходу.

— Да чтоб тебя, девчонка! Завтра не получишь ни мо-

неты. И попробуй только не появиться! — визжит госпожа Даррет.

Но мне сейчас не до ее пропажи.

Черный огонь, который стал появляться в домах горожан, пожирает их жизни. После вчерашнего случая с Томом Редингом я в этом просто уверена.

И сейчас убийственное пламя зажглось в доме нашей любимой бабули Хлои.

Той единственной, которой было дело до кучки ребят из подворотни.

Той неповторимой, которая выхаживала бесполезнышей, несмотря на всеобщее осуждение.

Той невероятной, что рассказывала уличной шпане сказки и превратила сирот района в настоящую семью.

Бесполезныши — все нас так звали, потому что у нас не было ни дома, ни родителей, ни нормального магического дара.

Над моей силой потешались все, кому не лень. Говорить с домовыми — что за бред? Никто не мог представить, что я смогу применить его и заработать пусть не на хлеб с маслом, но хотя бы на корочку хлеба для себя и ребят.

— Бежим!

Я сжимаю его крохотную ладошку и подбираю юбку поношенного платья, и мы спешим изо всех сил по мостовой.

— Амели! — кричит из окна второго этажа господин Зуффе, первый бабник района. — Забеги ко мне, я потерял свои

очки.

Лео оборачивается и кричит на бегу:

— Кажется, вы прекрасно видите и без них!

А это он метко подметил. Этот господин Зуфффе последнее время изводил меня дурацкими просьбами зайти, хотя в его доме нет ни одного домового. Уж я-то знаю. Духи домов почему-то обходят его квартиру стороной.

А у меня сердце заходится от беспокойства и плохого предчувствия. Создается ощущение, что мы уже опаздываем. Я видела вчера, как этот черный огонь вытянул душу Тома Рединга, а я не успела помочь. Как бы беда не повторилась.

Я рассказала всей своей уличной семье, когда вернулась, чтобы они не подходили к очагам, в которых трещат камни. Это был первый признак черного огня. Второй — темные языки пламени — почему-то никто не видел, кроме меня.

И вот, получается, не зря предупредила своих.

Дом бабушки Хлои не так далеко, но петляние по улицам займет много времени из-за обилия тупиков. Я выросла в этом районе Дикорозии и знаю его как свои пять пальцев. Но никто не знает, что моя личная карта города выглядит не так, как у всех, благодаря моему дару.

— Лео, сократим! — Я тяну паренька в переулок.

— Но там тупик.

— Для всех — да. Но ты со мной.

Мы добегает до конца и упираемся в стену здания. Здесь

особо плотная застройка трехэтажных домов, но сюда не выходит ни одного окна.

Я опускаюсь в угол, куда однажды доползла и сжалась в комок, готовясь к самому страшному в жизни девушки, и шепчу:

— Домовушки, родненькие, пропустите! Бабулечку огонь сожрать хочет. Нам обычной дорогой не успеть.

Лео с интересом смотрит на каменную кладку здания, потом на меня. На его лице явно проступает вопрос.

И тут открывается небольшой ход высотой мне по колено. Туда можно нырнуть только ползком, но мне с моей хрупкой комплекцией тогда хватило, чтобы спастись от похотливого незнакомца.

— Спасибо, домовушки! — сердечно благодарю я духов домов. — Лео, пролезай первым.

Паренек не медлит и шустрым котенком проскальзывает в ход. Я за ним.

Глава 2

Когда я ползла здесь первый раз, то была в шоке от того, как тут вкусно пахнет. Такой запах я встречала только здесь — запах родного дома.

Я никогда не знала, как он чувствуется, но почему-то мне кажется, что именно так — горячей выпечкой, жареным мясом и сваренной кашей. А еще немного пылью, деревом и щепоткой корицы.

В этом квадратном ходе, обшитом паркетом из сотен разных домов, всегда было светло. Как я заметила, так всегда там, где есть домовые, даже если они очень вредные.

Но сейчас мне некогда осматривать боковые тонкие ходы в разные квартиры. Я спешу на помощь бабушке Хлое. Поэтому, стоит только вылезти вслед за Лео по ту сторону дома, я тут же хватаю его за руку и бегу дальше.

— Вот это да! Вот это да... — только и повторяет Лео.

Он по-детски глубоко впечатлен, но его маленькие ножки шустро бегут наравне со мной.

У скромного, зажатого между новых трехэтажных домов крыльца бабушки Хлои уже стоят все наши. Саму бабушку вынесли прямо со стулом, закутали в одеяло и суетятся вокруг.

Часто нам говорили, что со стороны мы кажемся настоящей бандой — мальчишки и девчонки от пяти до двадцати

в обносках и с горящими глазами.

Нас часто путают с воришками и попрошайками, но мы честно зарабатываем на жизнь с помощью своих магических сил. Небольших, часто сомнительной природы, но для нас не менее важных, чем великие драконьи чары.

Этому нас научила бабушка Хлоя. Как и понятию семьи.

— Я здесь! — Я подбегаю к бабушке, присаживаюсь на корточки и беру ее худую руку в свою, заглядываю ей в лицо.

А она едва приоткрывает глаза и тут же закрывает их. Рука пугающе холодная, и от этого я вся подбираюсь. Окидываю ребят обеспокоенным взглядом и вижу надежду на их лицах.

— Закутайте бабушку еще! Обнимите, встаньте к ней вплотную, — прошу их, хотя знаю, что это не поможет.

Но когда ребята заняты делом, они не будут паниковать и плакать. А то уже вижу красные глаза и припухшие носы — признаки надвигающейся эмоциональной бури.

Я сама бегу в дом через открытую дверь, и на пороге меня охватывает странное предчувствие — бабуля больше не переступит этот порог.

Ну уж нет!

Я бросаюсь к очагу, в котором еще издалека вижу чернющие языки пламени. Они пляшут, а каменная кладка трещит от их танца.

Вчера Тому даже не помогло, что его увезли в карете в другой район города, огонь сожрал его жизненные силы и на расстоянии. Я была в его доме и как раз договаривалась,

чтобы домовый отдал фамильные часы Тома, потому что тот верит, что они приносят ему удачу. Домовой же говорил, что сделает это только после того, как Том уберет объедки, которые сбрасывал прямо за спинку кровати.

И вот тогда-то я и увидела первый раз это черное пламя.

Глава 3

Оно возникло в очаге дома Тома Рединга ни с того ни с сего и настолько испугало домового, что он тут же собрал вещи и убежал через ходы для духов домов.

И это было первым звоночком беды, ведь домовые до последнего живут там, где образовались из любви к дому первого хозяина, желания воздуха остаться в уюте стен и земли, принесенной на обуви гостей. Они стараются ужиться с хозяевами, ведут борьбу с плесенью и слухами и даже присматривают за детьми. А тут вдруг побег!

Вторым звоночком беды стал Том, которому медленно, но верно становилось плохо. Сначала головокружение, шум в ушах и упадок сил, а потом из него словно стали высасывать силы.

Зная, что обычная головная боль при бесполезных трактуете не в нашу пользу, я сразу же созвала соседей и отправила за лекарем. Наученная случаем с Густафом, которого посадили на полгода за то, что при нем у хозяина дома случился сердечный приступ.

На нас любили вешать все неприятности, и только это помогло мне вчера вернуться домой, а не загреметь в тюрьму. Том умер в карете, когда ехал к лекарю в сопровождении соседа.

Ночью я подслушала через домовых, что стражи обсужда-

ли очень странную смерть мужчины. Якобы из того словно выкачали жизнь.

Одного только домовые мне не рассказывали — стоило завести речь про черный огонь, как они тут же начинали дрожать и убегали.

Именно поэтому я предупредила моих ребят держать ухо востро. Однако что делать с этим черным пламенем и как спасти бабушку, я не имею ни малейшего понятия.

Вчера я пыталась его тушить в доме Тома, но погасила только оранжевые языки пламени. Черные же продолжали заставлять камни трещать.

Тогда-то я и узнала, что никто, кроме меня, это пламя не видит.

В этот раз я не сдамся. Я не дам этой чудовищной стихии забрать жизнь бабушки.

Мне страшно за нее — просто жуть. Но этого огня я не боюсь.

Я опускаюсь перед очагом, а Каспер — парень, с которым мы выросли и считали себя одноклассниками, садится рядом.

— Мы заливали весь очаг водой, но камни продолжают трещать. Оно все еще там есть?

Каспер знает, что я вижу то, чего не видят они. Например, домовых. И, оказывается, этот черный огонь.

— Да. — Я обхватываю себя руками, сжимаю руками предплечья, представляя, как бабушка поддерживает меня.

В ушах звучат ее слова: «Ты сможешь все, что разрешишь»

себе смочь, Амели».

Бабушка Хлюя не всегда выражалась грамотно, ведь даже такая уличная девчонка, как я, чувствовала, что звучит криковато. Но это слово «смочь», как по мне, наилучшим образом отражало суть.

Я многое в жизни смогла, прокручивая в голове этот девиз. Осмелилась использовать свой дар общения с домовыми. Решилась рассказать об этом сначала ребятам, а потом жителям города, которые казались мне более добродушными, чем другие. И даже отважилась поставить ценник за свою помощь с домовыми.

Все благодаря бабуле и ее советам.

И сейчас, глядя на эти черные языки пламени, я разрешаю себе смочь.

Глава 4

Я протягиваю руку к огню, повинуюсь внутреннему чутью, которое всегда меня выручало.

— Ты что делаешь? — Каспер ловит мою ладонь и с тревогой заглядывает мне в глаза.

— Хочу кое-что попробовать. Не волнуйся и отойди подальше.

Каспер испытующе смотрит на меня, и его уголки губ досадливо ползут вниз. Я знаю это выражение лица — он снова ругает себя. В этом он мастер.

— Я пробовал засыпать песком. Дарс пытался закрыть дымоход и очаг, чтобы не пускать воздух, но треск камней лишь усилился, и мы перестали так делать. Если бы у меня были драконьи чары, я... — Каспер стучит кулаком по своему колену.

— Вы большие молодцы, — хвалю я его и мягко толкаю назад. — Отойди. У нас мало времени.

Он с болью смотрит на меня и отступает. Я ободряюще и быстро улыбаюсь в ответ. Каспер всегда меня слушается, всегда уступает.

Я снова протягиваю руку к пламени и смотрю на него.

«Не моргай», — подсказывает внутреннее чутье, и я запрещаю себе смыкать веки даже на мгновение.

С улицы слышу обеспокоенные голоса ребят.

— Бабуле хуже. Почему она больше не открывает глаза?

— доносится до меня.

И по моей коже идет озноб.

«Не дыши», — шепчет интуиция, и я задерживаю дыхание.

— Она еще с нами, но руки совсем ледяные, — долетают до меня слова, и мне стоит больших усилий не моргнуть и не вздохнуть.

А теперь я нестерпимо, просто до одури, хочу глубоко и протяжно вдохнуть через нос. И я делаю это, видя, как языки пламени превращаются в темный дым, который я вдыхаю в себя.

Он залетает в меня всего за цельный вдох. Полностью. И черные языки больше не пляшут в очаге.

— Камни не трещат, Амели! — Каспер оказывается рядом, хватая меня за плечи.

А я потрясенно прислушиваюсь к собственным ощущениям. Что изменилось? Как я себя чувствую?

Кажется, все как обычно.

Но что же за дрянь я в себя вдохнула?

Я встаю, шатаюсь из-за затекших ног.

— Что ты сделала с пламенем? — Каспер поддерживает меня за плечи. — Все нормально?

— Да, — киваю, а сама спешу выйти и посмотреть, как там бабушка.

Уж больно пугающе тихо ведут себя ребята.

Каждый шаг все больше пугает меня, но я иду. Вижу ребят, которые замерли вокруг нашей любимицы, и сердце пропускает удар.

Неужели...

И тут бабушка издает протяжный звук, словно храп во сне, и распахивает глаза.

Я падаю на колени на покосившемся крыльце и рвано выдыхаю от облегчения.

Жива! Спасла.

Спасибо, небеса.

И даже себя нормально чувствую, что удивительно. Но с собой я разберусь чуть позже. Сначала мы заносим бабушку обратно домой, в ее узкий домик, зажатый между двумя многоквартирниками. Мы все испуганы, поэтому жмемся к очнувшейся бабуле со всех сторон.

— Мои двенадцать птенчиков, — бормочет она, обнимая нас.

— Ба, а ты ничего не помнишь? — спрашивает Лео.

— А что я должна помнить? — удивляется она.

Мы молчим. Никто не хочет проходить еще раз этот ужас, вспоминая о нем. Так, переглянувшись, мы решаем оставить случившееся в тайне.

Я прислушиваюсь к дому. Ее домовой, Доротки, больше здесь нет. Наверное, она тоже испугалась черного огня, как и домовой Тома Рединга.

Вернется ли она? Надеюсь, что да, потому что иначе мне

придется врать бабушке, а я этого очень не люблю делать.

Я покидаю дом бабушки через час, оставив младших приглядывать за ней и, если что, звать у реки. А сама иду к нашему старшему — Чейзу. Он сейчас работает на речном вокзале. Единственный из нас, кто получил официальную должность, а его дар куда более выдающийся, чем наши. Он видит, если кто-то болен.

Так он вычисляет тех приплывших, кого нужно поместить в карантин, чтобы не заразили болезнью чужестранцев. Он не может лечить, но может видеть. По-моему, очень крутой дар.

И я хотела бы, чтобы он сейчас и на меня посмотрел.

Глава 5

Речной вокзал Дикорозии — это то место, куда стекается все: товары, слухи, чужеземные болезни и надежды на лучшую жизнь. Запах рыбы, дешевой смолы и влажного дерева висит в воздухе плотной пеленой, которую не может разогнать даже резкий осенний ветер.

Я пробираюсь сквозь толпу грузчиков, матросов и торговков, высматривая знакомую высокую фигуру в поношенной, но опрятной форме портового смотрителя. Чейз стоит у трапа небольшого баркаса, внимательно, почти отрешенно всматриваясь в лица сходящих пассажиров. Его взгляд, обычно добрый и усталый, сейчас острый и сосредоточенный. Он ловит то, что невидимо для других: сероватую дымку усталости, желтоватые пятна лихорадки, сизые тени под глазами, говорящие о внутренней хвори.

— Чейз! — зову я, протискиваясь к нему.

Он вздрагивает, и его взгляд тут же смягчается при виде меня. Но почти мгновенно брови его сдвигаются, а губы плотно сжимаются.

— Амели. Ты... — Он не договаривает, продолжая вглядываться в меня с легким недоумением и тревогой. — Что-то случилось с мелкими?

Нас с ним многие принимают за брата и сестру. У нас обоих каштановые волосы и карие глаза, и даже форма носа

похожа — небольшой, ровный, с высокой переносицей. Вот только у меня уголки глаз приподняты вверх, а у него опущены, из-за чего у Чейза всегда немного грустный вид и он кажется старше на все десять лет вместо трех.

Мне восемнадцать, а ему двадцать один.

Ребята не стали его дергать, зная, что ему больше нельзя прогуливать работу. А другую такую он уже вряд ли найдет. Все-таки наши слабые и часто бестолковые магические дары редко можно применить на официальной работе, как у Чейза. Ему повезло, и мы всей уличной семьей будем стараться, чтобы он ее не потерял.

И без того уже два раза убегал по нашей вине: один раз Каспер сломал руку, а второй — наши ребята ввязались в крупную драку с мальчишками из соседнего района. После двух прогулов начальник Чейза сказал: еще раз — и он будет уволен.

Именно поэтому я сейчас не скажу ему ничего о том, что у нас произошло. Вечером поделюсь, когда все встретимся в нашем логове.

И я не хочу его пугать насчет того, что впитала в себя огонь. Он и так увидит, если моему телу сейчас наносят вред.

— Все в порядке. Просто хотела предупредить, что могу задержаться. Взяла поздний заказ.

Я внимательно слежу за его лицом, пока он смотрит на меня. Чейз устал, но все так же внимателен. На работе он настроен находить болезни, поэтому не пропустил бы ника-

кой гадости на мне.

Похоже, со мной все в порядке и это черное пламя не нанесло мне вреда.

Чейз на мгновение задерживает на мне свой пронзительный взгляд. Кажется, он чувствует подвох, но мое объяснение вполне правдоподобно, чтобы заглушить тревогу. Ведь внешне я действительно выгляжу лишь немного взволнованной.

— Поздний заказ? У кого? — В голосе Чейза звучит такая знакомая забота, смешанная с усталостью. — Надеюсь, опять не у Даррет. Она тебя в могилу сведет своими придирками.

— Нет, — поспешно вру я. — У одного купца с набережной. У него там домовый буянит, важные документы перед сделками прячет. Пообещали хорошо заплатить, если смогу договориться.

Ложь ложится легко, потому что такие случаи и правда были моим хлебом. Чейз, кажется, верит — кивает, внимательно рассматривая сходящих с баркаса пассажиров. Его внимание уже возвращено работе.

— Хорошо, что предупредила. Только будь осторожна. И не задерживайся до ночи в одиночку. Пусть Каспер встретит.

— Обязательно, — обещаю я, и сердце сжимается от новой лжи.

Никого не буду дергать, просто скажу, вернувшись раньше, что заказ отменился.

А по поводу поглощения огня я никому из моей уличной

семьи не скажу. Нельзя, чтобы кто-то из них, особенно Чейз, рисковал работой или лез под горячую руку из-за моей проблемы.

Я машу Чейзу на прощание и растворяюсь в толпе, чувствуя странную смесь облегчения и тревоги.

Облегчение оттого, что он ничего не увидел. Тревогу потому, что, возможно, это черное пламя его дар не способен увидеть.

Я иду в толпе людей, спешащих с работы, и слышу разговор двух пожилых подруг:

— Слышала последние новости? Токерс умер во время обеда у камина.

— Да ты что? Ему же и сорока не было. И в чем причина? Подавился?

— Говорят, что из него словно все соки вытянули.

У меня по телу идут мурашки, когда я обгоняю женщин. Плохое предчувствие шепчет, что это может быть тот же черный огонь, что был у бабушки Хлои. И что я не остановила его, а только точно убрала.

Мгновенно становится страшно за бабушку. Что, если смертельное пламя снова к ней вернется?

Надо ей сказать, чтобы не зажигала больше очаг! Но как обогреть дом без него, когда ее костям холодно даже летом?

Я поворачиваю к домику бабушки, чувствуя, что мой разговор с этим огнем еще не закончен. Нужно собрать ребят и придумать план, как обезопасить нашего самого близкого

человека.

Глава 6

Бабушка Хлоя видит свой обычный дневной сон, заботливо укутанная тремя одеялами. Ее дыхание неровное, хрипловатое, но само его наличие успокаивает. Я сижу на табурете у кровати, слушаю этот звук и пытаюсь убедить себя, что все в порядке.

Внутри ничего не болит, не горит, не леденеет. Все так же, как и всегда.

Неожиданно бабушка Хлоя громко всхрапывает и резко просыпается, словно подавившись. Я тут же подсакиваю на ноги, но она снова закрывает глаза, переворачивается на другой бок и спит дальше.

Я медленно сажусь обратно, стараясь успокоить бешеный ритм перепуганного сердца.

И вдруг она говорит громко, словно ругаясь:

— Вдыхать в себя проблемы — глупейшая привычка, детка. Ты же не печка, чтобы жечь в себе хлам!

Я снова подсакиваю на ноги:

— Ты о чем, бабуль?

Храп разносится по комнате, давит мне на плечи, заставляя сесть обратно.

Она говорила во сне? Что ей снилось?

И тут я широко распахиваю глаза, вспоминая, когда слышала от нее эту фразу.

Два года назад, когда прибежала к ней с разбитым сердцем. Моя первая любовь закончилась катастрофой.

С чего это бабушка Хлоя вспомнила тот день?

Я оборачиваюсь и смотрю на очаг так, словно в любой момент оттуда кто-то может выскочить. Я попросила ребят не разжигать его сегодня, пока я не разберусь с огнем.

— Амели, можешь идти. — Каспер заходит в дом тихо, как умеет только он. — Я тебя сменю.

Он светится от счастья, а когда я поднимаюсь, то кладет мне в руки сразу десять серебряных монет.

— Откуда, Каспер? — спрашиваю я, зная, что он сделает так, что до бабушки Хлои наш разговор не дойдет. — Это же целое состояние.

— Меня взяли на работу. Это аванс.

Меня словно в ледяную прорубь с головой погружают.

— Каспер, — я хватаю его за руку, — ты что, снова связался с той бандой?

Он наигранно смеется:

— Да нет! Я же тебе обещал — только честная работа.

Вижу, что врет.

— И кем же ты устроился, что тебе заплатили авансом десять серебряных?

— Так в сам дворец.

— Во дворец? — Я не верю своим ушам.

— Да. Глушу шаги в тронном зале. Между прочим, знаешь какой отбор я прошел? Сколько меня проверяли дней?

Так вот куда он пропадал всю неделю. Но разве бесполезнейшей берут во дворец? Это что-то из разряда невозможно-го.

— Почему тогда молчал? — подозрительно шурю глаза.

— Чтобы не сглазить, пока все точно не будет ясно. — Каспер начинает злиться. — Порадовалась бы лучше за меня! Я думал, что ты будешь мной гордиться.

Ох, как же мне хотелось бы верить в то, что он правда устроился на хорошую работу. С даром Каспера приглушать звуки сложно зарабатывать честным ремеслом. Он уже много раз срывался на скользкую дорожку, вот я и боюсь, что его снова занесло.

Я внимательно смотрю на Каспера. Он выглядит задетым за живое, и мне становится совестно.

Может, он в самом деле преодолел сотни трудностей и устроился на такую уважаемую работу, а я тут устраиваю сцену. Даже стыдно становится.

— Прости! — Я обнимаю Каспера, хочу отстраниться, но он держит крепко.

— Не бузи на меня, — бормочет он.

Хлопаю его по спине:

— Я просто переживаю. Не обижайся на меня. И я очень рада, что ты смог устроиться во дворец. Горжусь тобой.

Я мягко отстраняюсь, кладу серебряные ему обратно в руку:

— Мне пора к Даррет. С этой всей суетой я убежала, не

выполнив заказ.

— Стой. — Каспер ловит меня за руку и снова вкладывает туда монеты. — Это тебе.

— Мне? Ты с ума сошел?

— Купи себе нормальную одежду и обувь. — Каспер настойчиво смотрит мне прямо в глаза, хмурит белесые брови.

— У меня есть одежда.

— Амели, мне неудобно это говорить, но лучше я это сделаю, чем грубые домовладельцы. Или этот господин Зуффе.

Ох, похоже, ничего хорошего я сейчас не услышу. Я глубоко вдыхаю и выдыхаю и говорю:

— Давай. Валяй. Выкладывай все.

Каспер на миг отводит взгляд, но потом возвращает его ко мне.

— Твои платья тебе малы. Жмут везде, где... — он сбивается, хмурится, отворачивается, — где не должны жать. И короткие стали — ноги видно. Ты не знаешь, но этот Зуффе всем разболтал, что заказал тебе платья, чтобы выгодно подчеркнуть твое... твои... В общем, Амели. Купи себе нормальную одежду впору. Эта тебе жмет.

Я потрясенно смотрю на Каспера, а потом опускаю взгляд на одно из своих двух платьев. Оно сильно жмет в груди, тесно в талии и чуть коротковато, потому что я за последний год сильно выросла.

Прикусываю губу, опускаю голову, желая, чтобы этот разговор никогда не начинался.

— Возьми! — настаивает Каспер.

— Мне хватит и одного серебряного на платье.

— Купи несколько. Красивых. Разных. Дорогих, — как-то очень распаляется Каспер и даже забывает даром глушить свой голос.

Бабушка Хлоя перестает храпеть и начинает ворочаться.

Я впихиваю монеты Касперу обратно:

— Сама себе куплю. Спасибо, что сказал. Я опаздываю.

И выбегаю из дома бабушки Хлои, желая одного — провалиться сквозь землю.

Да, я не транжира. Да, платья надо бы прикупить, и я это знаю. Но всегда, когда я начинаю откладывать на них, что-нибудь случается. То маленького Михаэля нужно сводить к зубному, потому что у него разнесло щеку. То у Мэлли разлетится обувь. То Ноа заболеет и нужно срочно купить зелья.

Это все для меня куда важнее нового платья. Его можно отложить, а те покупки и дела — нельзя.

Но мне особенно стыдно, что дошло до того, что Каспер высказывает мне за них. Просто ужасно.

Разве я это из-за своей невнимательности делаю? Разве ходила бы я в том, что мало, если бы у меня были деньги и возможности? Просто есть вещи важнее, чем платье, которое мало.

Я иду к Даррет, погруженная в диалог сама с собой, и незаметно для себя оказываюсь на крыльце входа для слуг. Стучу, но дверь открывается.

Дурной знак. Госпожа Даррет очень зла. Сейчас снова будет придирааться ко мне.

Я захожу в темный коридор, и тут слышу знакомый треск камней в очаге.

Глава 7

Треск в очаге госпожи Даррет звучит как ледяной хруст под сапогом посреди лета — неестественно и зловеще. Он вливается в тишину пустого коридора острыми пиками звука.

Мое сердце падает куда-то в пятки, замирает, а потом начинает колотиться с такой силой, что я слышу его стук в ушах.

Черный огонь снова здесь. Я не уничтожила заразу полностью в доме бабушки Хлои, а поглотила только один очаг.

Неужели он следует за мной? Или он просто везде, как чума, медленно заползая в дома горожан через теплые очаги?

Меня охватывает холодный, рациональный ужас. В доме Тома Рединга огонь убил его хозяина. В доме бабушки Хлои — чуть не убил, и только мое вмешательство спасло ей жизнь: я вдохнула его, и бабушка очнулась. Что теперь ждет в доме госпожи Даррет?

Дверь в кухню оказывается приоткрыта, и оттуда не доносятся ни привычной для этого дома ругани, ни звона посуды. Только этот проклятый размеренный треск.

Я делаю осторожный шаг, потом другой. Двигаюсь так, словно подкрадываюсь к спящему зверю. Пальцы сжимают юбку платья, и в голову приходит мысль, что Каспер прав — одежда и правда мне мала. Она сковывает плечи, мешая

нормально двигаться.

Этот огонь разве может возникнуть сам по себе? За его появлением должен кто-то стоять. И этот кто-то — очень могущественный маг.

Я тихонечко заглядываю в кухню.

Госпожа Даррет сидит за столом, склонившись над счетной книгой своих пекарен. Ее острый профиль обращен к окну, спина — ко мне и к камину. Она что-то бормочет, водя костлявым пальцем по колонкам цифр. А за ее спиной, в очаге, пляшут те самые черные тени.

Они лижут поленья, не оставляя следов гари, лишь заставляя камни издавать самый жуткий хруст, который я когда-либо слышала.

Госпожа Даррет тяжело вздыхает и устало трет переносицу. Я так привыкла видеть ее всегда энергичной, громкой, что сейчас эта тихая утомленность делает из нее незнакомку. — Как же болит голова, — бормочет она еле разборчиво.

И я слышу, что силы в ее голосе почти не осталось. Кажется, огонь пожирает и ее жизнь.

Я присматриваюсь к ее руке, всегда такой широкой кисти и пухлым пальцам, и вижу, что они странно худы. Да и сама она словно разом сдала.

Это черное пламя пожирает ее изнутри. И пусть она та еще вредина, что изводила меня почти каждый божий день, я не хотела бы, чтобы она вот так погибла жуткой смертью.

Чейз не увидел, что пламя нанесло мне вред. Значит ли

это, что я могу его безнаказанно впитать? Ведь по-другому госпожу Даррет не спасти. Тому Редингу тогда не помогло даже то, что его увезли на карете далеко от очага.

К тому времени, как господин Даррет вернется из пекарни, его жена будет мертва. Этот добрейшей души человек будет разбит, потому что никто так не любит жену в городе, как он. Добряк и злюка — так называли их соседи. Но сами супруги жили в мире. Однажды я видела, как господин Даррет в один миг прогнал ее сварливость одним только полевым цветком, принесенным после работы.

Соседки поговаривали, что она такая стала, потому что тащит все на себе и по натуре бойкая женщина, а рядом с ней мягкий муж, с добрейшей душой, с чувством юмора, но почти бесполезный и на работе, и в быту.

Я не хотела бы, чтобы вся эта идиллия разрушилась. Я же могу помочь — впитать этот огонь в себя. Пока не поздно, нужно действовать, чтобы не случилось беды, как с Томом Редингом.

Но как? Вчера я вдохнула огонь у бабушки, потому что меня вело слепое отчаяние. Сейчас же во мне бушует страх.

А вдруг вдохнуть его во второй раз смертельно? Ведь я всего лишь слабая магиня, которая еще не знает последствий поглощения этой гадости.

Что, если оно меня сожрет? Я же еще не жила толком. Моя первая любовь была такой неудачной.

Я даже целовалась только один раз. Как же быть?

«Ты не печка, чтобы жечь в себе хлам». Слова бабушки, сказанные во сне, отзываются в памяти едким укором.

Я не печка. Но кто же я тогда? Собиратель чужой смертоносной грязи? Что, если это и есть моя настоящая сила?

Черное пламя будто чувствует мое замешательство. Оно колыхнется, и одна из темных нитей дергается резче. Госпожа Даррет вздрагивает, заваливается набок и стонет.

Время истекает.

Я влетаю в кухню, грохнув дверь о стену. Хозяйка вскрикивает от неожиданности и оборачивается, ее лицо искажает привычная злоба и невероятная усталость.

— Амели! Дерзкая девчонка, я тебе говорила...

Но я ее уже не слушаю. Снова опускаюсь на колени перед очагом, сцепляю руки в замок, чтобы унять дрожь, и задерживаю дыхание. Когда тремор проходит, я протягиваю правую руку к огню.

— Что ты делаешь?! Встань немедленно! — хрипит через силу госпожа Даррет, и в ее голосе сквозь злость пробивается испуг.

В этот раз я не моргаю, а сосредоточенно смотрю прямо в черное пламя, пока камни не начинают трещать чуть глуше, а сами языки — тянуться ко мне.

Мне стоит невероятных усилий не отпрянуть от этой пугающей черноты. И снова возникает та же нестерпимая, физическая потребность глубоко вдохнуть во весь объем легких.

И я медленно втягиваю в себя черный дым.

Он срывается с поленьев, устремляется ко мне единой струей. Проникает в меня через ноздри, идет по горлу вниз и заполняет грудь.

Но наполненность быстро проходит, оставляя после себя обычные ощущения, будто ничего не произошло. Только в ушах бьется бешеный ритм моего пульса.

Камни в очаге разом замолкают, и в тишине становится слышен только треск обычного, доброго, оранжевого пламени.

Я это сделала! Снова.

Я оборачиваюсь к госпоже Даррет, улыбаюсь, а она впервые смотрит на меня без злости во взгляде.

— Ты что-то сделала, да? — тихо спрашивает она, и я вижу, насколько у нее побелели и пересохли губы.

— Теперь все хорошо. — Я улыбаюсь одними уголками губ.

Спасла, но мне все равно страшно, что это за дым я снова вдохнула в себя.

Внутри пусто и странно чисто. Нет ни боли, ни жара. Только легкое головокружение, словно не ела целый день.

— Снова наш домовый дурию мается? Да сколько можно. Вот бы можно было выгнать его навсегда. Сил моих нет... — бормочет госпожа Даррет медленно, словно в полусне от недостатка сил.

Я прислушиваюсь к дому и понимаю, что ее желание исполнилось. К сожалению, в доме, где появляется черный

огонь, нет больше домовых.

— Он ушел. Больше не придет. — Я поднимаюсь на ноги, и меня шатает то ли от долгого времени на корточках, то ли еще от чего.

— Серьезно? Отлично! Я щедро заплачу тебе за то, что прогнала его. Давно пора, а то корчила из себя магистра переговоров, — бормочет заплетающимся языком госпожа Даррет.

Я удивленно смотрю на нее.

— Я не прогоняю домовых. Не говорите так. Дом без домового — дом, где никогда не было любви. Они — хранители очагов.

Я ни в коем случае не хочу, чтобы по городу обо мне пошла такая слава. Не для этого я столько времени налаживала отношения с домовыми и горожанами.

— Они домомучители! — Госпожа Даррет легко хлопает ладонью по столу.

В ней почти нет сил, но она спорит до последнего. Вот такая она — госпожа Даррет. Мне кажется, что, когда настанет ее час отправиться на тот свет, она и с небес умудрится ворчать на всех.

Но я и не подозревала, какие слухи после ее спасения пойдут по городу.

Глава 8

Госпожа Даррет платит не щедро, а с привычной скуповатой расчетливостью, прибавляя к монетам жесткий кусок вчерашнего хлеба «для ребятни».

Покидая ее дом, я прислушиваюсь к собственному телу. Все ли как всегда? Сердце бьется встревоженной птицей в клетке, легкие дышат на полную, а желудок привычно урчит от голода.

Но то ли я себя накручиваю, то ли появилось кое-что новое — чувство покалывания в груди.

Это может быть испугом и самовнушением, а может быть серьезным сигналом беды.

Сделала ли я все правильно, когда спасла еще госпожу Даррет? Не навредила ли себе? Не знаю, но по-другому поступить не могла, учитывая обстоятельства.

Мне нужно поговорить с Чейзом, но не для того, чтобы признаться, а чтобы просто посмотреть на его реакцию. Увидеть в его глазах подтверждение, что я все еще их Амели, а не ходячий черный огонь.

По дороге в наше логово, полуразрушенную часовню на окраине Дикорозии, я слышу новый слух — умерла вдова Элли Браун. Сестра начальника Чейза.

Наше логово встречает меня шумом и теплом.

Младшие — Лео, Мэлли и Ноа — варят на костре похлеб-

ку из того, что удалось раздобыть за день. Каспер, сидя у стены, что-то тихо напевает, перебирая струны старой разбитой лютни. Увидев меня, он умолкает, и его взгляд становится оценивающим.

После разговора о платье между нами появилась какая-то неловкость, и я стараюсь на него не смотреть. Кладу заработанные деньги в кувшин, и монеты звонко падают на дно.

Так-так-так, похоже, сегодня там совсем мало. Правда, еще не все старшие вернулись, поэтому рано судить. Черствый хлеб кладу в плетеную корзинку и накрываю куском ткани, чтобы не стал еще жестче.

— Ну что, Даррет тебя живьем сожрала? — кричит кто-то из темноты таким наигранно писклявым голосом, что даже не могу понять, кто из ребят ко мне обращается.

— Почти. — Я сажусь на деревянную скамью и вытягиваю уставшие ноги.

— Не ходи больше к ней! — бурчит Каспер, откладывая лютню в сторону. — Что она сделала на этот раз? Ты почему такая бледная?

Бледная?

Я прикасаюсь к своим горящим щекам. Вроде как всегда.

— Больше она меня не позовет. Ее домовой ушел навсегда. — Я очень стараюсь, чтобы голос звучал естественно, но в нем все равно проскальзывает грусть.

В часовне наступает тишина. Даже младшие перестают шуметь и болтать обо всем на свете, потому что мы зна-

ем: домовые уходят редко, а уж насовсем — почти никогда. Только в случае, если дом не спасти.

Я чувствую на себе вопросительные взгляды и тяжело вздыхаю:

— Помните, я вам говорила про черный огонь, который я вижу?

— Из-за которого трещат камни? — Лео тут же подбегает ко мне и берет за ладонь.

— Да. — Я протягиваю руку и треплю его по волосам. — Он самый. Вот этот огонь пришел и к госпоже Даррет.

— И ты его тоже прогнала, да? Как из дома бабушки Хлои?

Я растягиваю губы в улыбке и киваю, ловлю на себе тяжелый взгляд Каспера. Он буквально отскакивает от стены, рядом с которой сидел, и тут же оказывается рядом.

— Амели, что не так? Я знаю это выражение лица.

— Все хорошо, — вру я. — Просто беспокоюсь об этом. Кажется, этот огонь распространяется по городу и поражает все больше очагов.

— Не лезь туда, — вдруг отрезает Каспер так, словно он мой отец, которого я никогда и не знала.

Я молчу, потому что сама еще не решила, как быть с этой эпидемией.

И тут в логово заходит Чейз, на ходу снимает кепку с острым козырьком и оглядывает всех.

— У нас все в порядке? — первое, о чем спрашивает он.

Ребятня бежит к нему обниматься.

— Чейз, а ты почему так рано? — Лео висит у него на правой ноге.

— У тебя выходной? — спрашивает Ноа и сразу выдает последние новости: — Сейчас все в порядке, но бабушка Хлоя чуть не умерла из-за черного огня. Амели ее спасла.

Чейз тут же находит меня глазами.

— Когда это случилось? — Он подхватывает Лео на руки, отцепляя его руки от ноги, и встает передо мной. — Что произошло? Как бабушка Хлоя?

Я всегда немного теряюсь под таким его требовательным взглядом. Он словно видит меня насквозь.

Поднимаю на него осторожный взгляд. Видит ли он во мне какие-то изменения? Вроде нет, иначе бы уже сказал.

Я коротко рассказываю, что произошло днем и почему его не стали дергать. Молчу о том, что вдохнула в себя огонь.

— Амели и вреднючку Даррет спасла от черного огня, — немедленно сдает меня Ноа.

Чейз тут же задает закономерный вопрос:

— Как?

Я пожимаю плечами:

— Сама не поняла. Видимо, огонь меня боится.

Если расскажу, что вдохнула его, тут такая паника поднимется. Лучше промолчу. Все равно с бабушкой Хлоей это получилось спонтанно. Да и повторила бы все, лишь бы ее спасти.

Я же цела. И вроде даже здорова.

— А ты что так рано? — перевожу стрелки разговора.

Чейз садится рядом со мной, на одном его колене оказывается Лео, на второе запрыгивает Ноа.

— В городе творится какая-то чертовщина. Говорят, что люди умирают дома непонятно от чего. Словно их покидают жизненные силы. Причем это касается всех возрастов, мужчин и женщин, стариков и детей. Меня даже начальник снял с поста и отправил к нему домой, чтобы я посмотрел на его семью — не заболели ли они. Ну и по его родне прошелся.

Я вижу, что Чейз словно хочет сказать что-то еще, что его очень беспокоит, но не решается.

— Ты что-то увидел? — спрашиваю я, зная, что Чейз видит болезни, словно они имеют плотность и внешний вид.

Он отрицательно качает головой, глядя в пространство, а потом поднимает на меня взгляд и эмоционально выдает:

— Но я был у сестры начальника, вдовы Элли Браун, и ничего на ней не увидел. А потом она умерла.

В часовне повисает задумчивая и напряженная тишина.

— В ее очаге трещали камни, — добавляет тихо Чейз, и у меня по коже пробегает волна мурашек.

Глава 9

Если Чейз не видел охватившую вдову болезнь, это значит, что он не видит и какой вред это пламя наносит мне.

Осознание этого на секунду пронизывает страхом. Какие последствия меня ждут? Я тоже погибну?

Даже пальцы начинают дрожать, но я сжимаю их в кулаки. Нельзя паниковать, нужно включать мозги.

Если бы такой страшный огонь, который за час забирает жизнь, убивал меня, я бы уже это почувствовала, так?

Так.

Могу ли я изменить сейчас факт того, что уже впитала в себя два черных пламени?

Нет. Я ничего не могу с этим сделать.

Я отвечаю не только за свою жизнь, но и за жизни младших. И не могу позволить страху загнать себя в угол.

Похоже, черное пламя становится похожим на эпидемию. Очаги по всему городу трещат, поглощая жизни людей, и даже старший не может распознать эту болезнь.

Я смотрю на Чейза и вижу, как он посерел лицом от мыслей.

— Ты не всемогущ. — Я подхожу к нему и кладу руку на плечо.

Но вижу, что мои слова не утешают его. Мы все понимаем силу его дара и тот груз, что он с ним несет. Знаем, как

он гордился, когда нашел нормальную работу на пристани. А теперь он не увидел смерть, когда она уже душила вдову Браун.

Конечно, это бьет по всем его убеждениям. Он всегда нам говорил, что увидит у нас болезнь и мы можем быть спокойны. Всегда первым замечал, что кто-то из младших заболел. Но теперь он столкнулся с заразой, которую не может распознать своим даром, и не знает, что с ней делать.

Неизвестность всегда пугает.

— Вот именно! — Чейз поворачивает ко мне голову. — Я ничего не увидел. Ни тени, ни пятен, ни тумана, даже воздух был обычным. А если я не вижу эту заразу, то как мы сможем с ней бороться?

Каспер напряженно смотрит на наш очаг. В нем потрескивают дрова, но не камни. Пока что, но кто знает, что будет через минуту или через час.

Оранжевые языки пламени задорно пляшут, и им нет никакого дела до того, что у нас происходит.

Мы с Каспером и Чейзом переглядываемся. Кажется, мы сейчас думаем об одном и том же — об опасности у нас под носом.

— Погасить очаг? Дни теплые, а ночью будем друг к другу жаться, — предлагает Каспер.

Чейз отрицательно качает головой.

— Если мы еще выдержим, то младшие тут же простынут. А с каждым днем ночи будут холоднее и промозглее. Влаж-

ность будет пробираться до костей. Это не выход.

И я с ним согласна.

Каспер смотрит на меня:

— Ты тогда говорила, что Тома Рединга не спасло, что его очаг потушили. Так?

— Да. Если появилось черное пламя, то даже затуши обычное — оно все равно не гаснет, — киваю я. — Но если я здесь, мы в безопасности. Я могу заставить черное пламя погаснуть.

Чейз поднимает на меня тяжелый взгляд:

— Какой ценой?

Он всегда был не по годам зрелым и проницательным. Иногда мне казалось, что он видит меня насквозь. Вот и сейчас своим вопросом попадает точно в цель.

Я неопределенно пожимаю плечами.

— Да никакой, — говорю я, а сама не уверена в своих словах.

— Амели, ты лучше меня знаешь, что такая смертельная магия не уходит просто так. Ее даже не потушить, она все равно забирает жизни. А ты просто подходишь — и пламя отступает?

Понимаю, как неправдоподобно это звучит, но не хочу подкидывать лишний повод для беспокойства. Иначе тут разведут такую суету, что думать станет невозможно. Похоже, у нас выход один.

— Нам нужно уходить из города, — тихо говорю я.

Чейз смотрит на меня с досадой и болью, но кивает. Он тоже понимает, что нет ничего дороже жизни.

Каспер выступает резко против:

— Но мы с таким трудом здесь обосновались! Куда мы уйдем? Где найдем крышу над головой для нас всех? Чейз, ты же только устроился на работу. Амели, а ты только стала известна по городу. Да и я получил работу во дворце. Я не могу отказаться от нее!

Я с болью смотрю на Каспера. Чейз опускает голову.

— Я понимаю, как тебе важна эта работа. Но ты же еще не потратил аванс?

Каспер сжимает челюсти, и по опущенным вниз уголкам губ я понимаю, что он туда уже залез.

— Чейз, — он садится на корточки перед старшим, — верховные маги из дворца эту дрянь так не оставят. Скоро до них дойдут новости, и они предпримут что-нибудь. Они-то за свою шкуру боятся, так что быстро победят этот черный огонь. Нам нужно просто подождать.

Чейз тяжело вздыхает и смотрит на меня. Я вижу, что он мечется, но сама не знаю, что делать.

— Ладно, — наконец говорит старший. — Давайте пока останемся и понаблюдаем. Идти в никуда тоже не выход. Ночевать на улице ничем не лучше, чем здесь с потушенным очагом. Тем более у нас есть Амели.

Я медленно киваю. Сложный выбор, и я в чем-то не согласна с ним, а в чем-то поддерживаю.

— Как там бабушка Хлоя? — спрашивает Чейз. — Может, ее забрать к нам?

— Ты же знаешь, что ее дом для нее все. Мы тоже предлагали, но она отказалась. С ней осталась Маделин, — говорю со вздохом я.

И тут громкий стук, словно кто-то со всей силы бьет кулаком в дверь, заставляет нас повскакивать с мест.

— Амели! Здесь живет Амели? — бьют за дверью.

— Ну-ка... — Чейз подходит к двери, оборачивается, и все мелкие прячутся по заранее отработанной схеме: кто под скамью, кто в исповедальню, кто за стойку пастора.

Старший открывает дверь, и я вижу на пороге взволнованного раскрасневшегося мужчину в дорогом камзоле, который едва сходитсЯ на его большом животе.

— Что такое? — Чейз загораживает собой дверной проем, выходя вперед.

— Здесь живет Амели? Та, что избавляет от треска в очаге. Мне очень нужна ее помощь! Моя пятилетняя дочь погибает!

— У нас есть Амели, но она ничего подобного делать не умеет. Вы ошиблись. — Чейз громко захлопывает дверь, и я в шоке смотрю на него.

— Ты чего? Там же ребенок сейчас на тот свет отправится, — говорю громким шепотом, подходя ближе.

— А что потом? Побежишь спасать весь город? Если сейчас откликнешься, обратного пути не будет.

— Но там маленький ребенок!

— А ты знаешь цену, которую платишь за это? Может, он никуда не уходит, а переходит на тебя? — Чейз попадает этим вопросом прямо в сердцевину моего страха, и у меня спирает дыхание.

Я опускаю голову, понимая, что он прав.

Стук снова сотрясает дверь.

— Прошу! Пожалуйста! Спасите моего ребенка! Я заплачу любые деньги!

— Да с чего вы взяли, что здесь есть ваш спаситель? — Чейз кричит через дверь мужчине снаружи.

— Госпожа Даррет рассказала, что ее спасла Амели, беспризорныш из Дикорозии. Я точно знаю, что это вы. Прошу! Спасите мое дитя.

Я вдыхаю тяжесть его боли и понимаю, что не могу игнорировать ситуацию. Он пришел к моему порогу. Он молит меня о спасении дочки. Как я могу ответить нет и спокойно спать после этого?

— Чейз, открой дверь, — прошу я.

— Нет! — Чейз категорично складывает руки на груди.

Рядом с ним замирает Каспер, зеркалит его.

— Ребята, я уже два раза прогнала этот огонь. А где два, там три. Какая уже разница?

Чейз мотает головой:

— Если ты сейчас пойдешь в город, слухи о том, что ты можешь помочь, разнесутся. Ты будешь сбиваться с ног, по-

могая всем. И чем это все закончится?

Он мудр, я знаю.

— Мы попросим этого господина молчать. Только на таком условии я пойду.

Чейз смотрит мне в глаза, его лицо напряжено до предела.

— Ты же все равно сбежишь и пойдешь, да? — сдавленно спрашивает он.

Старший хорошо меня знает.

— Да. — Я киваю.

Чейз прикрывает глаза, Каспер пинает воздух.

— Черт! Амели, этим людям было плевать на тебя, когда ты голодала. Когда ты стучала в их двери и просила хоть какую-нибудь работу, они даже не открывали тебе. Ты пойдешь спасать их?

— Сейчас я иду спасать пятилетнюю малышку, — говорю я твердо. — Отойдите, парни. Дайте пройти. Время идет.

Чейз отходит первым, смотрит на меня исподлобья. Каспер упрямо стоит на месте, по-прежнему скрестив руки на груди и широко расставив ноги.

— Я могу выйти через окно. — Я показываю глазами на ближайшее.

— Черт! — снова ругается он и отходит в сторону.

Я берусь за дверь и распахиваю ее, смотрю в глаза встревоженному господину.

— Идемте.

Глава 10

Дорога до дома господина Дакольдса, как назвался краснотлицый мужчина, пролетает в оглушительном гуле собственных мыслей.

Он сразу же соглашается на мои условия, что мой визит останется в тайне и он ни слова никому не скажет. И я едва успеваю за ним к карете, пока он бежит по мокрой брусчатке, ведь у него самый страшный ускоритель — страх за собственного ребенка.

— Она вся обмякла на диване к тому моменту, как я уходил, — на ходу рассказывает он и открывает мне дверь кареты. — А камни в очаге, эти трескучие камни так громко шумели. Хорошо, что жена пожаловалась соседке, а та дружит с госпожой Даррет. Она и сказала, что это проклятие и что нам нужна Амели из заброшенной часовни в Дикорозии, которая общается с домовыми.

Слово «проклятие» неприятно колет, но я стараюсь не заострять внимания.

Сам господин Дакольдс садится напротив меня и на нервах поджимает губы. Его всего трясет, а на лбу проявляется холодная испарина.

С каждой минутой нашего пути к его дому он становится все более бледным и обессиленным. Откидывается на спинку дивана кареты, приоткрывает рот, словно ему не хватает

воздуха, и иногда зажмуривает глаза так, словно силится не потерять сознание.

— Вам тоже плохо? — спрашиваю я.

— Перенервничал, наверное, — тихо отвечает он.

И я узнаю эти безжизненные нотки в его голосе. Я такие уже слышала у Даррет.

Похоже, моя догадка верна и это черное пламя ест всех жителей дома. Но вот одно мне пока непонятно: всех, кто живет там, или только тех, кто был в момент, когда в очаге начинают трещать камни.

— Держитесь, — тихо подбадриваю я, а потом смотрю в окно.

Мы выезжаем из Дикорозии в Гевисхолл — богатый район города. Здесь невероятно широкие улицы, а фасады домов украшает резной камень.

Карета останавливается у третьего дома справа, и я выпрыгиваю первой.

— Ох, что-то не могу подняться, — слышу я из глубины кареты.

— Я поспешу сама, — бросаю я, прекрасно понимая, что ждать хозяина дома нельзя, нужно как можно быстрее заставить это черное пламя погаснуть.

Я взбегаю по ступенькам, толкаю приоткрытую дверь и чуть не спотыкаюсь о женщину, что сидит у стены. Она медленно поднимает голову и смотрит на меня, но у нее нет сил даже что-нибудь сказать. Только взглядом показывает в сто-

рону гостиной.

Я тут же стремлюсь туда, уже слыша, как громко и грозно трещат камни в очаге. Маленькая девочка лежит на диване, закутанная в шелковое одеяло. Бледная, как восковая кукла, и ее ручка свешивается к полу.

Я подбегаю к ней, трясущимися пальцами провожу около носа — дышит. Слава небесам!

Я оборачиваюсь к очагу и застываю на несколько секунд. Какой же он огромный! И пламя в нем куда свирепее, чем я видела до этого. Оно выбивается даже за зевом, лижет воздух за пределами очага.

Кажется, здесь даже треск камней звучит по-другому. Не просто зловеще, а торжествующе.

Сбоку мелькает качающаяся фигура мамы девочки.

— Пожалуйста! — скорее читаю я по губам, чем слышу.

Они видят во мне свое единственное спасение, а мне страшно даже приближаться к такому яростному пламени.

«Ты не печка», — снова звучит в голове голос бабушки.

Но как я могу уйти, зная, что могла спасти семью? Эту крошку? Мать? Господина, что проделал за мной этот путь?

Одним поглощенным пламенем больше, одним меньше. Какая разница?

Но что, если в этот раз огонь сожрет меня?

Я оборачиваюсь, смотрю на невинную девочку, которая еще жизни не видела, и принимаю решение. Я сделаю это.

Нет времени на сомнения и страх.

Опускаюсь на колени, задерживаю дыхание и смотрю в жадное до жизни черное пламя. И оно тут же реагирует, вихрится, тянется ко мне темными щупальцами. И снова меня охватывает та же неодолимая тяга вдохнуть его в себя.

Я вдыхаю его долго. В этот раз даже не за один раз, и дым врывается в меня клубком колючей ледяной проволоки.

Он заполняет горло, грудь, дурманит голову. На миг мир плывет перед глазами, а потом вдруг отпускает.

Камни больше не трещат.

Я медленно оборачиваюсь, иду к дивану и сажусь рядом с девочкой. Беру ее за руку и заглядываю ей в лицо. И прямо на моих глазах ее щеки розовеют.

Мама девочки, опираясь на стену, тоже добирается до дочери. Смотрит на нее с надеждой, а мне в глаза с вопросом.

Но что я ей могу обещать? Ничего. Я не целитель.

И тут в дверном проеме гостиной возникает отец семейства.

— Лили? Агнес? — Он смотрит на свою жену и дочь и, спотыкаясь, бросается к ним.

Выглядит он паршиво, но счастлив до предела. Он переводит на меня взгляд, и я вижу бескрайнюю благодарность.

— Спасибо, Амели из Дикорозии! Я никогда не забуду, что ты сделала для нашей семьи.

И сует мне в руки увесистый кошель.

— Я не могу дать никаких гарантий. — Я качаю головой, отталкивая от себя мешочек с монетами.

— Ты сделала. Сделала! Слышишь же, очаг больше не трещит? Ты избавила нас от проклятия.

Его благодарность такая искренняя, шумная и оглушительная, что я не отваживаюсь больше спорить.

— Помните, что вы обещали? Вы не должны никому говорить, что я сделала. Иначе... оно вернется. — Я нахожу аргумент, чтобы сдержатъ длинные языки сплетен.

Ложь срывается с губ сама собой, отчаянная и неуклюжая, но она срабатывает. В их глазах мелькает суеверный ужас. Они кивают, бормоча слова молитвы и обещания.

Девочка в этот момент открывает глаза и смотрит на родителей:

— Мама. Папа.

Ее веки все еще тяжелые и то и дело закрываются, но на губах уже появляется улыбка. И это придает мне уверенности, что я смогла отвести от них беду.

Обратно меня довозит кучер, прямо к покосившимся воротам нашей заброшенной часовни. Там меня встречает моя встревоженная, как воробьи кошкой, семья.

Я с гордым видом высыпаю кошелек монет в горшок. Мелкие смеются от счастья, а вот старшие заваливают вопросами. Как прошло? Точно ли будут держать рот на замке? Что я там сделала? Как прогнала пламя?

Я как можно обтекаемее отвечаю на вопросы и ручаюсь, что чета Дакольдс точно будет держать язык за зубами.

Мы ложимся спать на двух больших, набитых пухом и пе-

ром матрасах — мальчики отдельно, девочки отдельно. Как спим уже не один год.

Сон пеленает нас так незаметно, что я не сразу понимаю, кто это стучит. А когда открываю глаза, то вижу Чейза и Каспера и рассветные лучи в окнах. Слышу стук и крики за стенами часовни.

— Что такое? — сонно спрашиваю я и поднимаюсь на локтях.

— А то! — Каспер резко поворачивается ко мне. — Не умеют люди держать язык за зубами.

Я сажусь, протираю глаза и стараюсь разобраться, что же кричат снаружи.

— Амели! Выходи! Амели! Трещат камни в очаге!

Я встаю, подхожу к окну, и холодок проходит по спине. Снаружи ходят десятка два людей.

Глава 11

Они стоят в предрассветном тумане, растерянные и испуганные. Мужчины и женщины в ночных рубашках, а поверх накинuty верхние одежды — плащи, телогрейки и даже обычные пледы.

Некоторые держат на руках детей, завернутых в одеяла. Другие поддерживают стариков. Их глаза ищут меня в темных проемах часовни.

— Амели! Выходи! Помоги!

— У нас тоже трещит в очаге! Моя мать совсем плоха!

— Я заплачу любые деньги!

Их голоса сплетаются в единый тревожный гул, полный отчаяния и надежды. Надежды на меня. Ту самую Амели, на которую пренебрежительно косились, идя по улице.

Я отшатываюсь от окна и чувствую, как мое сердце колотится где-то в горле. Чейз встает рядом, его лицо каменное.

— Видишь? — мрачно говорит он. — Я же говорил — обратного пути не будет. Стоит проговориться одному, как это не остановить.

— Дакольдс, — шипит Каспер, сжимая кулаки. — Этот толстый мешок с деньгами. Не стоило ему помогать.

— Не обязательно он проболтался, — тихо возражаю я, хотя сама в этом сомневаюсь. — Могла и госпожа Даррет похвастаться. Или ее соседка. Слухи расползаются, как та-

раканы.

Стук по двери усиливается. Кто-то начинает ломиться в нее плечом, пытаюсь выломать дверь. Дерево трещит, и младшие просыпаются, сонно сжимаясь в тревоге, и вопросительно смотрят на нас.

— Открывай, ради всех святых, Амели! Мы знаем, ты там! — кричат снаружи.

Младшие быстро одеваются и ждут от нас команды. Даже в своем маленьком возрасте они понимают, что такое бежать от беды.

— Что нам делать? — спрашивает Ноа, и его голос дрожит.

Я на секунду закрываю глаза, пытаюсь заглушить панику. Бежать через задний ход? Но куда? Они точно окружили часовню.

Спрятаться? Они выломают дверь и найдут нас. И что тогда? Начнется давка, искалечат младших.

И среди этих людей есть те, кому правда нужна помощь. Чьи близкие умирают прямо сейчас, пока мы здесь прячемся.

«Ты не печка», — слова бабушки Хлои эхом отзываются в голове.

Нет. Не печка. Но возможно, я — что-то вроде губки для этой ядовитой грязи. Как песок, через который эта гадость проходит, как грязная вода, и становится чистой.

Я открываю глаза и смотрю на Чейза.

— Я выйду к ним.

— Ты с ума сошла? — Каспер шагает ко мне. — Они тебя растерзают!

— Они пришли за помощью, а не за расправой, — говорю я, больше убеждая себя, чем их. — Если мы откроем и поговорим, у нас есть шанс взять ситуацию под контроль. Если они выломают дверь, контроля точно не будет.

Чейз молчит, оценивая, а потом говорит:

— Я выйду к ним сам, отвлеку, а ты прячься в тайник.

— Но, Чейз!

— Амели, вот ты выйдешь к ним — и что дальше? Как думаешь, что они сделают?

— Попросят помощи. Расскажут, кто в опасности и где.

— Ты сама не понаслышке знаешь, как страшна толпа. Какие люди все эгоисты. Каждый из них будет тянуть тебя к себе и орать, что именно ему нужна первую помощь. А если не согласишься, то в ход могут пустить и оружие.

— Ты преувеличиваешь, Каспер. Они же не убийцы!

— Ты, должно быть, забыла, как два года назад за тобой с ножом гнался Хопкинс, потому что ты забрала из кассы таверны полагающиеся тебе выплаты за три месяца? Или Геральда, который кинул в тебя топор, потому что ты опоздала из-за проливного дождя?

Все эти ситуации проносятся перед глазами, и я тяжело вздыхаю. Он прав, конечно. Люди разные, а когда прижмет, еще и агрессивные. Думают только о себе.

— Но что делать? Нам уже не сбежать из города.

— Нам всем и не надо. Как только они убедятся, что тебя тут нет, успокоятся и уйдут. Нужно только переждать несколько дней. Тебе и нам. — Чейз смотрит на меня в упор, давит авторитетом старшего, и я тяжело вздыхаю.

Внутри меня борются два желания: помочь людям и не быть ими съеденной. Я понимаю всю правильность слов ребят, но внутри тяжелым грузом ложится каждый крик снаружи, каждая просьба о помощи.

Я иду к тайнику — нише в часовне, спрятанной за фреской. Там место только на одного человека, да и то стоя. И как представляю, что я там стою несколько дней, втихоря выбираясь по нужде, трусливо прячусь, когда весь город охвачен эпидемией, то останавливаюсь.

Я так не могу. Не могу, и все.

— Амели! Спаси мою семью!

— Амели! Спаси моего ребенка!

— Амели, спаси мою маму! Она у меня одна!

Последний — голос маленького мальчика, полный отчаяния. Ну как я после этого могу остаться в стороне?

Я поворачиваюсь и вижу, что Чейз с Каспером не сводят с меня взгляда. Они так и не двинулись с места, следя, когда я скроюсь в нише.

— Так и знал, — в сердцах говорит Каспер. — Она же упрямее осла.

— Амели. — Чейз предупреждает от дурасти одним толь-

ко словом, но я уже все решила.

Фактически для моей души нет выбора. Мне будет тошно от себя, если я могу помочь, а вместо этого отсиживаюсь.

— Я не могу по-другому. Хотите — помогите организовать тех, кому нужна помощь. Нет — я сама справлюсь. Но я не буду отсиживаться в тайнике, пока жители города умирают, а я способна это предотвратить.

Чейз и Каспер обмениваются долгими нечитаемыми взглядами и как-то особенно тяжело вздыхают.

— Ладно, — выдавливает из себя Каспер.

Чейз молча подходит к двери, открывает ее и выходит вперед.

Гомон с улицы залетает в часовню, наполняя ее настроением паники и страха.

— Горожане! — слышу я голос Чейза. — Амели готова вам помочь, но только при одном условии. Сейчас вы выстроитесь в очередь в порядке, в котором сюда пришли.

Я смотрю в окно и зажимаюсь, слыша слова старшего.

Он пытается придать хоть какую-то организованность толпе, но я уже знаю, что из этого выйдет. Первый и второй находятся сразу, а вот дальше начинается неразбериха и давка. Более сильные выталкивают более слабых, заявляя, что именно они тут стояли. Детей и стариков выпихивают в самый конец очереди.

Я смотрю на это все, сжимая кулаки от несправедливости этого мира. Толпа никогда не бывает разумна — это факт.

И, выходя туда, я понимаю: легко не будет.

Глава 12

Так начался самый долгий и самый сложный день в моей жизни. Я понимаю, что не могу спасти всех, но как же тяжело делать выбор. Оценивать шансы со стороны логики, а не души.

Я предлагаю Чейзу и Касперу вариант сортировки, который кажется наиболее правильным — оценивать состояние пришедших.

В часовню запускают только по трое, сначала стариков и детей. Отбирают из них тех, чей путь почти нитевидный и кто уже не может стоять.

Я вижу по состоянию одной женщины, что она вот-вот испустит дух и до ее дома на другом конце города я просто не успею добраться и вдохнуть в себя черное пламя. Но как мне сказать ей это в лицо, когда она первая в очереди? Когда богатый господин под номером два не дает свою карету, чтобы я добралась до дома этой женщины быстрее, а потом поехала к нему?

— Если хотите воспользоваться моей каретой, то сначала помогите мне, — ультимативно заявляет он.

Я понимаю, что стоит проявить мягкость — и меня подомнут и растопчут. Поэтому заявляю ему строго:

— Вы будете последним.

Он злится, хочет вспылить, но быстро встречается взгля-

дом с Чейзом и переосмысливает ситуацию. Он видит, как мы строго сортируем пришедших по состоянию. Видит, что мы не идем на попятную, не покупаемся на притворные обмороки.

— Ладно. Берите мою карету. Ускорим этот процесс, — наконец говорит он.

Так я получаю быструю карету с кучером, чтобы ездить по адресам.

Я вижу, что люди к нам только прибывают. В дело уже включена вся моя уличная семья — даже младшие записывают корявыми буквами адреса, чтобы сэкономить время старшим.

Грамоте нас научила бабушка Хлоя, за что мы всегда ей будем благодарны. А мы уже обучили младших, поэтому сейчас помогают даже они. Трогаясь в карете, я вижу, как Ноа и Лео напряженно хмурятся, записывая буквы в блокнот.

Вся моя семья поддерживает меня, старается помочь даже в такой ситуации, и это трогает меня до слез. Они еще не знают, что это пламя не отступает, увидев меня, а что я вдыхаю его, иначе ни за что бы не стали так усердствовать. Напротив, связали бы меня и увезли отсюда насильно, я в этом уверена.

Когда я отъезжаю с первым списком адресов в карете того богатого господина, люди бросаются под копыта лошадей.

— Амели! Помоги мне! Амели!

Они стучат по дверце, дергают за ручку, и я вынуждена

высунуться в окно:

— Я поехала по первым домам. Идите в часовню, чтобы быстрее записаться в очередь!

Я подталкиваю людей, даю им цель и средство, и они то-ропятся, чтобы обогнать того, кто идет рядом. Я же лечу по адресам под топот копыт, стараясь совладать со своей совестью и бешеным стуком сердца.

На ходу в карету запрыгивает Каспер.

— Я с тобой.

— Зачем?

— Для безопасности.

— Мы же договорились, что по адресу последнего дома в моем списке меня будет кто-нибудь ждать с новым. Зачем?

— На всякий случай. Кожей чую, Амели. А ты знаешь, что чуйка у меня хорошо работает, — говорит Каспер.

И он прав. В этом плане ему всегда удавалось выйти сухим из воды, на какую бы опасную глубину он ни нырял.

Честно говоря, я даже рада, что он со мной. И то, что кучер не сворачивает по первому адресу, Каспер тоже предсказывает. Вместо этого карета несется к дому того самого богатого господина.

Сколько я ни кричу кучеру, что его хозяин еще полон сил в отличие от других, он меня не слушает — несется во весь опор. Тогда Каспер достает нож, и слух у кучера тут же появляется.

— Что бы я без тебя делала, — шепчу я с благодарностью,

заглядывая в недовольное лицо Каспера.

— Что? Помогала бы только богатым в зажиточном квартале. Уверен, они сюда того ферзя и прислали. Не выглядит он так, словно у него в доме горит этот адский огонь.

Я согласно киваю — не выглядит. Слишком много в нем жизненных сил. Он буквально выделялся из толпы обессиленных людей. Да и богатеи именно такие. Стоит им прознать, что я могу помочь, как они возведут свои жизни в ранг архиважных, а бедных оставят умирать со словами «так и надо».

Я не говорю, что богатые не важны. Каждая жизнь бесценна. Просто у меня есть список тех, кто пришел ко мне и чьи жизни висят на волоске. Кому я уже обещала попытаться помочь. Я не могу их подвести.

Список засасывает меня.

На Рыночной площади, 12, на третьем этаже двое детей уже не встают, а их мама сама еле дышит у часовни. Туда я бегу первой, врываюсь в открытую дверь и тут же направляюсь к очагу. Краем глаза вижу, что Каспер идет проверить детей на диване, а сама протягиваю руку к черным языкам пламени.

Они слабые, едва лижут, и только это, похоже, позволило семье до сих пор жить. Я вдыхаю пламя, не думая ни о чем. Просто надо. Просто еще куча таких же адресов. Просто быстрее.

А дальше все смазывается для меня в череду домов, едва

тлеющих жизней и очагов с черным пламенем. После пятого дома Каспер не сводит с меня внимательного взгляда.

— Что? — спрашиваю я.

— Амели, ты что, вдыхаешь в себя это адово пламя? — спрашивает он так, словно слова даются ему с трудом.

— Нет, что ты! — отвечаю тут же поспешно и часто дышу.

— Врешь. — Он бледнеет. — Я видел, как ты каждый раз рядом с очагом словно набираешь полную грудь воздуха.

Знает меня слишком давно, чтобы я могла что-либо от него скрыть. Он хватается за голову, а потом вдруг резко скидывает ее, вперив в меня взгляд.

— Кучер, стой! — орет он так, что я вздрагиваю.

Карета останавливается, и Каспер хватается за мою руку. Буквально вытаскивает из кареты.

— Что ты делаешь? — Я пытаюсь вырваться.

— Ты прекратишь над собой издеваться немедленно. Мы сейчас же уедем и пришлем записку Чейзу. Это не обсуждается! — рычит Каспер на меня.

Я впервые вижу его настолько злющим, но не могу вот так уйти.

— Слишком поздно.

Каспер останавливается и спрашивает встревоженно:

— Что это значит? Только не говори, что ты уже умираешь.

Я качаю головой:

— Мне это не вредит.

Каспер с горечью усмехается:

— Серьезно? Ты же лучше меня знаешь из-за своих домашних, что ничто не берется просто так и не уходит в никуда.

Знаю, оттого мне и тревожно. Но вот я уже восемь раз втягивала в себя пламя, и ничего.

— Плевать. Ты перестанешь это делать немедленно, — заявляет Каспер, таща меня в сторону от кареты.

— Я должна спасти их. Там дети, старики.

— Плевать! Как и им на тебя плевать. Они первые бросят в тебя камень. Если ты не пойдешь своими ногами, я тебя понесу. Силы хватит.

А ему хватит — вон какой вымахал. Вот только...

— Амели? — зовет меня возрастной мужской голос, полный власти.

Мы с Каспером одновременно поворачиваемся на звук и видим алую карету, которую удивительным образом не замечали в ходе ссоры. Мы оба знаем, кому она принадлежит — верховному судье.

Я молча смотрю на седого мужчину, который рукой в перчатке отодвинул шторку кареты и смотрит на меня.

— Вы едете со мной, Амели, — говорит он уверенно и бескомпромиссно.

— Ага! Щас! — огрызается Каспер и дергает меня за руку, чтобы увести.

Тут из тени нас начинают обступать, и я узнаю форму сотрудников судейской палаты.

Глава 13

В мире, где я родилась и выросла, действует простое правило: не спорь с той силой, что выше тебя, если хочешь выжить.

Сила верховного судьи — та самая, что стоит над всеми законами и понятиями. Даже моя дерзость имеет свои границы, и эта карета с алыми шторками ее четкая черта.

Каспер на мгновение застывает, сжимая мою руку так, что становится больно. В его глазах бушует буря из ярости, страха и беспомощности.

Я вижу, как его мысли мечутся, ищут лазейку, чтобы ударить, побежать, закричать. Но нас уже окружают пятеро стражников с гербом суда на груди, и их лица словно предупреждают не делать глупостей.

Я сжимаю руку Каспера в ответ:

— Пойдем с ними. Все в порядке.

Он смотрит на меня так, словно я говорю глупости. Наклоняется ко мне и говорит на ухо:

— Даже я понял, что ты вбираешь пламя в себя. Как думаешь, что сделают они, когда до них дойдет?

— А у нас есть выбор? — Я заглядываю в его глаза, и от того, как быстро его взгляд мечется по моему лицу, создается впечатление, что он вот-вот заплачет. — Ты сам понимаешь, что нам тут не поспорить. Я просто девушка, умеющая

договариваться с домовыми. Единственная в городе.

Я пытаюсь улыбнуться, но губы не слушаются. Каспер упрямо закрывает меня собой, поворачивается к карете:

— Уважаемый, в этом городе всем нужна помощь Амели. Чтобы вас занесли в список адресов, нужно записаться. Поезжайте в заброшенную часовню в Дикорозии...

Я дергаю Каспера за руку, шикаю на него, чтобы замолчал. Нашел кому сообщать адрес нашего дома! Сумасшедший.

— Думаю, вам не понравится, если я туда наведаюсь. — В словах верховного судьи звучит прямая угроза, и я с ужасом смотрю на Каспера.

— Я иду! — Вырываю свою руку из его хватки и спешу отправить его подальше, пока его длинный язык не довел до греха: — Вернись к ребятам. Скажи Чейзу... скажи, чтобы следил за бабушкой Хлоей.

Мне хочется сказать что-то важное, чтобы он поспешил назад, и упоминание бабушки цепляет внимание Каспера.

— Она в опасности?

— Надо проверить, — киваю я.

Что угодно сокру, лишь бы он не поехал с нами. С таким настроением он точно наворотит дел.

Конечно, я понимаю, что я в опасности, но этого стоило ожидать. Не только у бедняков горит черное пламя — богатые районы охвачены паникой. И если кто-то еще не знает, что я могу помочь, то верховный судья быстро нашел меня благодаря своим связям и влиянию.

У меня нет выбора, кроме как поехать к нему и как можно быстрее вернуться к списку адресов.

Лицо Каспера темнеет от беспокойства, он сжимает мое предплечье:

— Я найду тебя, как только попрошу младших следить за бабушкой Хлоей.

Я киваю.

Стражник встает между нами и жестом указывает на карету судьи.

— Проследуйте в карету, госпожа.

Госпожа! Меня так в жизни не называли. Беспольныш, беспризорныш, сирота, бездарщина, странная, девчонка из часовни и самое приятное — Амели из Дикорозии. Но госпожой я не была никогда.

А, нет, была! Один раз, когда моя первая любовь разбила мне сердце. Тогда я слышала: «Госпожа, прощайте!»

И больше его в жизни не видела.

Подошвы моих стоптанных ботинок шуршат по каменной мостовой. Каждый шаг отдается в висках вопросами: что нужно судье? Почему приехал лично, а не его помощники?

Возможно, кто-то из его семьи в опасности. Может, наоборот, я спасаю бедных, когда должна спасти богатых.

Дверца кареты открывается изнутри. Интерьер встречает меня темно-бордовым бархатом, а в воздухе висит запах эксклюзивных мужских духов, накрывающих меня тяжестью аромата.

Судья Гейдар стар, но не дряхл. Его седые волосы уложены безупречно, а пронизательные голубые глаза, словно ледяные осколки, изучают меня с ног до головы. Он откидывается на спинку сиденья, указывая на место напротив.

— Садитесь, Амели из Дикорозии. Поговорим по дороге.

Я протискиваюсь внутрь, стараясь не касаться обивки своим потрепанным платьем. Смотрю вниз, на свою поношенную обувь, с которой падают комья грязи из окрестностей часовни, и невольно сравниваю ее с идеально чистыми ботинками судьи.

Контраст бьет по мне, напоминая, кто я, а кто он.

Карета трогается плавно, почти бесшумно. Видимо, запряжена лучшими лошадьми, а на облучке вымуштрованный кучер.

— Вы вызвали невероятный ажиотаж, юная леди, — начинает Гейдар, складывая руки на набалдашнике трости. — Полгорода в панике. Все говорят, что трещат камни в очаге. И везде звучит как молитва ваше имя.

— Я не хотела этого, ваша честь. Люди просто...

— Люди боятся, — перебивает он. — И в своем страхе хватаются за любую соломинку. Но кто вы на самом деле? Целительница? Шарлатанка? Или, возможно, источник проблемы?

Меня пронзает страх. «Источник» — то самое слово, которого я боюсь до дрожи.

— Я всего лишь, оказывается, могу заставить камни за-

молчать. Вот и все, что я знаю.

— И как вы это делаете?

— Я могу уговорить треск уйти, — вру я.

Интуиция кричит, что судья ни в коем случае не должен узнать, что я вбираю пламя в себя. Немного детская ложь, проще некуда, но такое легче понять, чем правду. И это точно не так опасно.

Судья медленно кивает, не отрывая от меня проницательного взгляда:

— Уговорить? Интересно. А как вы объясните, что в домах, где вы договорились с очагом, говорят, умирают домовые? Духи, с которыми вы, как я слышал, в ладах.

Я замираю. Откуда он знает про исчезновение домовых? Сколько он всего нарыл про меня?

— Они не умирают. Они пугаются и уходят, — осторожно поправляю я немаловажный факт.

— Навсегда? — Он приподнимает бровь. — Насколько я наслышан, домовые покидают дом лишь в одном случае — если он разрушен. Так что вы видите в этих трещащих очагах?

Его голос тихий, но каждый звук вдавликает меня в сиденье. Эти его «наслышан», «насколько я знаю», «говорят» — давят на меня. Я чувствую, как по спине скатывается пот. Насколько опасно говорить, что вижу черное пламя? Кто еще его может видеть? Вдруг только темные маги? Тогда мне конец.

Глава 14

Его слова вонзаются прямо в самую суть моего страха. Но я давно живу на улицах города и знаю, что правду нужно придерживать только для самых близких.

— Ваша честь, — начинаю, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я обычный бесполезныш. Я малообразованна и плохо разбираюсь в магии. И даже не знаю, точно ли я помогаю. Мне просто платят за каждый визит.

Я вру, но так я говорю на очень понятном ему языке, и Гейдар тут же расслабляется. Так я для него безопасна и знакома, а еще — контролируема. В его взгляде нет ни гнева, ни одобрения — лишь холодный и безжалостный расчет.

— Что ж, тогда у меня есть для вас работенка. — Судья кладет руку на карман расшитого свободного камзола и постукивает по выпуклой горке. Слышно, как глухо звенят монеты.

Если уж судья Гейдар приготовил деньги, значит, ситуация серьезная.

— Кому нужна помощь? — осторожно спрашиваю я.

— Меньше знаете, юная леди, длиннее жизнь. — Его последние слова звучат как прямая угроза.

Я отворачиваюсь к окну, чтобы скрыть панику на лице. За стеклом мелькают уже не узкие улочки Дикорозии, а широкие проспекты аристократического квартала Розария.

— Мы едем не к вам? — спрашиваю я, пытаюсь вернуть себе хоть крупицу контроля.

И без вопроса поонятно, что не к нему. Уж слишком он спокоен.

— Нет, — отвечает судья. — Ваши услуги требуются в месте поважнее.

Где же это место? Куда это сам верховный судья повезет спасение от треска в очаге?

Карета замедляет ход и въезжает в тень высоких, украшенных барельефами с драконами ворот. За ними открывается просторный двор, вымощенный белым камнем, и главное здание — не дворец в привычном понимании, а скорее неприступная крепость, сросшаяся со скалой.

И у меня по коже проходит волна мурашек. Я узнаю это место по признакам, хотя никогда его не видела. Здесь находится сердце магической власти, куда вход таким, как я, заказан.

Магистратум.

Стражники у ворот, увидев герб на карете, щелкают каблуками и пропускают нас без задержки. Тяжелое чувство обреченности наваливается на меня всем своим весом. Меня везут не просто к богатому клиенту. Меня везут к самым могущественным магам.

Нас встречает мужчина в длинном балахоне. Его лицо высокомерно, но взгляд полон беспокойства, а серость кожи отражает слабость тела.

И меня немного отпускает тревога. Меня привезли сюда не на заклатие, а для помощи.

Судья, перед тем как выйти, бросает на меня предупреждающий взгляд:

— Держи рот на замке, юная леди.

И я понимаю почему. Эти маги должны сейчас спасти весь город, а меня привезли спасти их. И я бы точно не вышла отсюда живой, если бы не факт, что я могу спасти и их домашние очаги.

Судья Гейдар выходит из кареты не оглядываясь. Он подходит к магу, и тот торопливо жестикулирует, говоря о чем-то тревожном, постоянно переводит на меня взгляд.

Когда судья оборачивается ко мне и машет рукой, я выхожу из кареты.

— Иди за мной. Смотри под ноги и не прикасайся ни к чему, — говорит он.

Мой взгляд невольно скользит вверх. Башни Магистратума уходят в низкое осеннее небо. Отсюда не видно Дикорозии. Здесь пахнет властью и вседозволенностью. Здесь я чувствую себя вырванной из почвы.

Меня ведут через узкую боковую арку. Коридоры здесь не роскошные, но от них веет древней силой. Стены отделаны темным деревом, в нишах мерцают шары холодного света.

И тут я слышу треск, который словно эхом идет по камням в стене, по плиткам в полу. Словно весь магистрат трещит черным пламенем.

Я вижу, как судья сжимается, но упрямо идет вперед. Проводит меня в зал с огромной чашей в центре, вокруг которой лежат маги в балахонах и стонут. От них словно остались лишь тени.

В этой самой чаше пляшут чернящие языки пламени. Здесь они кажутся гораздо злее, чем в очагах горожан.

Один, самый старый маг с бородой до пояса, сидит согнувшись вдвое. Его руки трясутся так сильно, что он не может их удержать на коленях. Дыхание хриплое и прерывистое, а каждый вдох дается ему с мучительным усилием. Его кожа просвечивает, как пергамент, и сквозь нее проступает сеть вен.

Женщина рядом с ним моложе, но смотрится не лучше. Ее волосы, заплетенные в строгую косу, выглядят безжизненно, словно сухая трава. Она сидит уставившись в пустоту, и по ее бледным щекам медленно текут слезы, но не от горя, а от полного бессилия, от невозможности даже моргнуть без усилия.

Моя душа сжимается от участия, и я шагаю вперед.

— Не боишься? — Судья Гейдар бросает на меня взгляд, в котором начинает зреть то ли уважение, то ли удивление.

— Времени нет бояться, — говорю я и шагаю к чаше.

Чем ближе к черному огню, тем тяжелее воздух. Мне кажется, что я иду не по камню, а по густой липкой топи. Пламя в чаше реагирует на мое приближение — черные языки вытягиваются в мою сторону, жадно облизываясь.

Я оборачиваюсь и смотрю на магов, прежде таких все-
сильных и важных. Помню, как видела их издалека на цере-
монии, и они казались мне божествами. Но даже они оказа-
лись бессильны против черного пламени.

Я делаю еще один шаг к чаше, и меня обдает запахом гари.
Дышать невозможно, и я закрываю лицо рукой.

Треск камней в стенах и на полу усиливается, а пламя
взмывает к высокому потолку. Оно просто поражает своей
мощью, и я не знаю, смогу ли его вдохнуть.

А если смогу, то что со мной будет?

И тут, как уже было много раз ранее, меня охватывает
непреодолимое желание вдохнуть полной грудью. Я втяги-
ваю воздух, и пламя несется на меня с оглушительным трес-
ком камней.

Черная тьма проникает в меня, заполняет, распирает. Ка-
жется, я уже не могу ничего вместить, но пламя продолжает
втекать в меня, пока я не прекращаю что-нибудь видеть.

На миг наступает тишина, в которой мне абсолютно ни-
чего не видно. Жуткое ощущение, когда силишься раскрыть
и без того открытые глаза, но тьма не отступает.

Неужели я все-таки дождалась последствий?

Глава 15

Состояние оглушения длится несколько томительных секунд. Оно отступает звоном в ушах, но даже этому звуку своего возвращения к миру я рада.

Когда зрение возвращается, я вижу, что чаша передо мной пуста. От черного пламени нет и следа, а камни больше не трещат.

Медленно оборачиваюсь и осматриваюсь вокруг. Маги в мантиях, прежде раздавленные и обессиленные, начинают потихоньку шевелиться на полу.

Старик с длинной бородой осторожно распрямляет спину. Я вижу, как его руки перестают дрожать и какое облегчение проступает на его лице. Женщина умиротворенно расслабляется, словно ее отпускает невероятное напряжение. Где-то сбоку раздается легкий выдох, полный освобождения от боли.

Судья Гейдар стоит у арки, и я вижу, как его маска ледяного спокойствия дает трещину. В его глазах мелькает нечто вроде суеверного страха, быстро подавленного привычной расчетливостью. Он кивает мне, умело пряча все эмоции.

— Впечатляюще, юная леди, — произносит он, и его голос звучит чуть хрипло. — Теперь вы понимаете, почему ваша скромная персона вдруг становится так важна?

Я не отвечаю, потому что все еще чувствую себя стран-

но. Мне не больно, меня не тошнит, но пламя словно живет внутри меня, постепенно затухая.

На несколько секунд я даже словно получаю сверхслух и слышу каждое дыхание, каждый шорох ткани в зале. На мгновение чувства обостряются до болезненной остроты, а потом все стихает.

— Мне нужно уйти. — Я делаю два шага назад.

— Она что, поглотила его? — слышу шепот одного из магов.

— Молчи, — резко обрывает его судья Гейдар, и его взгляд, острый как бритва, скользит по лицам собравшихся. — Вы видели то, что должны были увидеть. Способность. Не более. И это останется между нами. Понятно?

Его тон не допускает возражений. Маги, еще слабые, но уже возвращающиеся к своему обычному высокомерию, кивают. Но во взглядах, которые они бросают на меня, нет благодарности. Есть страх. И жадное любопытство.

Почему судья меня защищает? Вот уж не ожидала, что он встанет на мою сторону. Или он просто не хочет верить в то, что я могу поглощать пламя?

Нужно как можно быстрее отсюда уходить. Не дать им возможности раскрутить эту тему.

— Меня ждут, — бросаю я и разворачиваюсь, чтобы уйти.

Судья Гейдар внезапно преграждает мне путь. От его мантии пахнет табаком и холодной сталью.

— Вы никуда не уйдете, юная леди. Во всяком случае, точ-

но не отправитесь в дома бедняков. Сейчас вы единственная, кто может спасти людей от этой напасти. И они ждут.

Я смотрю в его безжалостные глаза, а внутри поднимается волна возмущения:

— А бедняки — не люди?

— Вы еще слишком молоды и не понимаете, что выбор может быть сложным, но делать его необходимо с умом.

— Там дети умирают.

— Как думаете, что лучше — спасти сто бедняков или короля?

— Конечно, сто жизней.

— А вот и нет. Погибни король — и умрут тысячи граждан из-за переворота. Поэтому спрошу еще раз. Кого разумней спасти?

Я молча смотрю в глаза судьи. Он выглядит таким уверенным в своей правоте, что раздражает.

— Сто жизней, — говорю я с не меньшим упрямством.

— Даже когда потом из-за вашего решения умрут еще тысячи?

— Не из-за моего решения, а из-за решений других людей захватить власть, — говорю я.

Судья Гейдар щурит один глаз, глядя на меня, а потом кивает:

— Совершенно ясно, что вы еще совсем незрелая и неопытная молодая леди. Оттого тем более должны быть под контролем.

Холодок пробегает по моей коже.

— Что значит — под контролем? — уточняю я, чувствуя спазм в горле.

Так и знала, что нельзя связываться с богатыми и властными мира сего.

Глава 16

Осознание наваливается мокрой шерстяной тканью.

Судья Гейдар скользит взглядом по магазинам и удовлетворительно хмыкает.

— Город вымирает, юная леди, — говорит он, и его голос, ровный и сухой, не оставляет в воздухе ни колебаний, ни эмоций. — Считайте, вы нашли хорошую работу. Дом верховного казначея — наша первая точка. Затем глава гильдии купцов. Далее семейство маршала Эренталя. Поспешим и не будем терять время.

Каждый адрес или должность звучит для меня влиянием и отдает эхом связей. У меня создается ощущение, что все они тщательно выстроены Гейдаром по значимости, а не по тяжести состояния.

Даже среди богачей идет отбор. Что уж говорить про обычных жителей?

Я поднимаю голову, и это движение дается с усилием, будто шею сдавливают тугим воротником.

— Спасаем жизни по вашему и моему списку по очереди, иначе я никуда не поеду.

Гейдар делает один шаг, и пространство между нами вдруг исчезает, его тень накрывает меня с головой. Его пальцы, лежащие на набалдашнике трости, так сильно сжимаются, что я слышу треск.

— Повторите, — произносит он на низкой и опасной ноте, от которой у меня по спине пробегает холодок.

— Будем спасать богатых и бедных по очереди, — говорю я, чувствуя горечь трудных решений во рту.

— Я могу просто связать вас и подносить к нужному очагу. — Гейдар нависает надо мной еще больше, давит авторитетом.

Но я так просто не сдамся.

— Можете, только треска это не прекратит.

Лицо судьи Гейдара все становится испещрено морщинами, словно он попробовал кисленькое.

— Значит, вы приказываете ему уйти, юная леди? — спрашивает он, и от его елеинного тона мне становится дурно.

Это очень опасная правда, которая может обернуться не в мою пользу. Особенно знай о ней такой человек, как судья.

— Нет. — Я твердо смотрю в его глаза.

В его взгляде вижу искру чистого, неконтролируемого гнева, которая на миг прожигает весь его ледяной образ. Гейдар словно про себя зло взвешивает, сломать меня сейчас или потом. И я очень хорошо чувствую, что ему это под силу, но не могу поступить по-иному.

— Тебя озолотят. Твои ободрыши больше не будут знать голода, — говорит он с презрением. — Ты уже достаточно набила себе цену.

Соблазняет богатством и думает, что все такие же, как он. Всерьез полагает, что за деньги такие, как мы, готовы про-

дать родную маму.

— Я не смогу тратить деньги, полученные за предательство совести. Не смогу ходить по пустым улицам и смотреть в окна пустых домов, зная, что могла спасти их обитателей, но не сделала этого.

Я так и вижу, как Гейдар очень хочет сломать меня, но боится сорвать спасение города. Похоже, только одна я могу остановить это черное пламя, и это ему прекрасно известно. Иначе он со мной даже не разговаривал бы.

— Усидеть на двух стульях не получится. Вас возненавидят обе стороны, Амели. Вот увидите, — говорит Гейдар.

— Пусть так. — Я киваю.

Я понимаю, о чем он. Люди неблагодарные. Но я не могу поступить по-другому.

Гейдар смотрит мне в глаза так, словно очень хочет там что-то увидеть, но не находит. Молчание затягивается и становится почти осязаемым.

Слышно, как где-то капает вода. Один из магов, приподнявшись на локте, сипит что-то о неслыханной дерзости и необходимости изоляции.

— Если будем кататься по городу из бедного квартала в богатый, потеряем уйму времени, — говорит он, и я про себя выдыхаю от облегчения.

Он уже обсуждает условия! Это победа.

Глава 17

— Да, но по-другому не выйдет. — Я пожимаю плечами.

— Дорога отнимет больше жизней, чем вы хотите спасти.

— Гейдар недовольно хмурится.

Верно, в этом он прав. Но я знаю, что есть и другой способ.

— Вы сами сказали, что работа высокооплачиваемая. Неужели в такой экстренной ситуации мы не найдем способного мага, которому под силу открывать порталы? — спрашиваю я.

Магистрат — лучшее место, где мы его можем найти, и это знаю не только я, но и Гейдар. И по тому, как он кривит губы, я вижу, что этот вариант он уже продумал, просто пытался продвинуть свои условия.

Он молча отходит в сторону, шушукается с магами, которые еще нетвердо стоят на ногах.

— Сейчас вызовем Арниха, — слышу я.

Вот и нашли порталного мага. Было бы желание!

Молодая женщина-маг в балахоне связывается с порталщиком по артефакту связи, посылая экстренный сигнал, и уже через несколько секунд посреди зала появляется мужчина с толстой рыжей косой.

— Арних к вашим услугам. — Портальщик делает всем реверанс, который смотрится настолько же неуместно, насколько невеста в свадебном платье на кладбище.

Так у нас появляется личный порталщик лет тридцати, абсолютно безбашенный и совершенно не умеющий держать язык за зубами. Но я рада его компании, потому что Арних крайне умело раздражает судью Гейдара, и тот больше не заводит неприятных для меня разговоров.

Начинается череда порталов, домов и очагов, черного пламени и спасения жизней. Бесконечный день, сотни изможденных лиц, десятки богатых и бедных домов. И один и тот же черный огонь.

Мы возникаем то в роскошных гостиных, где на мраморных каминных полках трескаются фамильные гербы, то в убогих лачугах, где огонь пожирает последние щепки и вместе с ними — дыхание больных стариков и плачущих младенцев.

Я уже не считаю, сколько раз опускалась на колени, задерживала дыхание и втягивала в себя леденящую дымку черного пламени. Тело становится для меня странным и чужим сосудом. Оно не болит, не слабеет, но внутри зияет пустота, холодная и бездонная, словно колодец, в который бесконечно падают камни, но всплеска так и не слышно.

Больше нет тех ужасных ощущений, что навалились на меня в магистрате, но и нет больше такого злого пламени. Это все наводит меня на мысль, что именно там оно и родилось.

Арних, порталщик, без усталости болтает, нарушая гнетущую тишину после каждого спасения. Он комментирует ин-

терьеры, делает предположения о причинах трещащих очагов, как он окрестил напасть, и даже пытается угостить меня карамелькой после особенно тяжелого случая с двойняшками в трущобах. Его беспечность как глоток свежего воздуха в затхлом склепе.

Судья Гейдар, напротив, превращается в статую молчаливого неодобрения. Он лишь называет следующий адрес, сверяясь с двумя списками — своим, на пергаменте с позолоченным обрезом, и моим, на смятом клочке бумаги, который мне успел передать через портал мальчишка из нашей часовни. Лица в обоих списках сливаются в одно — лицо смерти, которую я прогоняю.

Я мечусь между мирами, которые никогда не соприкасались. В роскошных покоях на меня смотрят с высокомерной надеждой, сквозь слезы, в бедных — с животным, бездонным страхом. И везде, после того как огонь угасает внутри меня, а на щеки умирающих возвращается розовый цвет, в воздухе повисают одни и те же вопросы.

Как она это делает?

Почему исчезают домовые?

Почему только она может заставить треск в очаге исчезнуть?

Это последнее повторяется чаще всего. Я научилась не встречаться глазами с теми, чьи дома очищаю. Их взгляды — смесь благодарности и суеверного ужаса — прожигают меня насквозь.

Я становлюсь не спасительницей, а вестником новой беды: дома, лишённые хранителя-домового, пустеют по-другому. В них поселяется холод, не зависящий от огня в очаге. А ещё меня начинают опасаться.

— Следующая точка — городская больница для неимущих. Там вспышка. — Голос Арниха звучит необычно серьёзно для него. — Говорят, началось с камина в палате для тяжёлых.

Гейдар брезгливо морщится:

— В списке приоритетов это...

— Это следующая точка, — перебиваю я, впервые за долгие часы обратившись к нему: — Или вы забыли наш уговор?

Он стискивает челюсти, но кивает Арниху. Портал открывается, и нас окатывает волной знакомых, но оттого не менее жутких запахов — лекарств, боли и отчаяния.

Дом за домом, очаг за очагом я спасаю жизни, пока меня не накрывает темень. А когда открываю глаза, то не сразу могу понять, где я.

Каменный потолок. Каменные стены. Каменный пол. И решетка.

Я в тюрьме?

Глава 18

Запах сырости и желудок, который сжимается спазмом голода, не оставляют сомнений — это реальность.

Сначала меня охватывает паника. Что случилось? Последним я помню портал Арниха в больницу и очаг в палате тяжелобольных. Черное пламя, пожиравшее последние искры жизнью десятков людей разом. Помню, как бросаюсь к нему, вдыхаю, а потом — провал.

Пламя в больнице было особенно густое, ядовитое, но не такое, как в магистрате. Неужели я переоценила свои возможности? Отравилась?

Но это сейчас не главное. Что действительно меня волнует — так это почему я оказалась в тюрьме.

Осматриваю себя и выдыхаю с облегчением. Ни ран, ни ожогов не вижу, руки-ноги двигаются, и даже платье целое. Прислушиваюсь к себе и даже не ощущаю былой пустоты внутри, которая раньше сидела за ребрами.

Что случилось с черным пламенем в городе? Эту огненную эпидемию удалось остановить?

Шаги в коридоре заставляют меня повернуться к решетке. В слабом свете магических шаров у потолка я вижу двух стражников в латах Магистратума. Не городской стражи, а именно магической. Их лица выражают мировую скуку.

— Простите! — Мой голос звучит хрипло и непривычно

громко в каменном мешке. — Что происходит? Почему я здесь?

Один из стражников бросает на меня беглый взгляд и быстро отводит его в сторону, словно боится на меня смотреть. Второй даже не поворачивает головы, словно меня не существует, и торопится пройти мою камеру как можно быстрее.

И это куда хуже криков и угроз.

После того как я использовала себя как губку для спасения горожан, они просто запирают меня в тюрьме. Ни приветливого взгляда, ни благодарных слов — ничего. Вместо этого каменные стены и пустые миски с водой.

Я не тешу себя мыслью, что это ошибка. Нет. Ведь я выросла на улице и знаю, какими жестокими могут быть люди.

Скорее всего, меня боятся, поэтому оставили отдыхать не в хороших условиях, а в месте, откуда я не сбегу и буду под их контролем.

Мысль о ребятах, о Чейзе и Каспере, который обещал найти меня, колет острой тоской. Они наверняка в панике и ищут меня по всему городу. Вряд ли им кто-то сообщил, где я.

Я встаю на ноги и подхожу к решетке, хватаюсь за нее руками и пытаюсь разглядеть что-нибудь в соседних камерах и дальше по коридору.

— Эй! Кто-нибудь! Скажите судье Гейдару, что я очнулась. Нам нужно продолжать гасить очаги! — кричу я, вни-

мательно прислушиваясь к реакции, которая должна многое мне раскрыть.

Но никто не отзывается, хотя я слышу, как стража тихо переговаривается где-то справа по коридору.

Время идет, а ко мне никто не спешит. Ни проверить, очнулась ли я. Ни позвать избавить от треска в очаге. И когда всем раздают пайки, а мне не дают даже воды, я отчетливо понимаю, что дело плохо.

В тюрьме не кормят только тех, кому и без того осталось жить немного. Я слышала, что про таких говорят: «Зачем переводить продукты на смертников?» Но я никогда и подумать не могла, что такое станет применимо и ко мне.

— Скажите, пожалуйста, что с трещащими камнями в очагах в городе? — обращаюсь к стражнику, который пропихивает миску осужденному в соседнюю камеру.

Мне нельзя унывать или предаваться грустным мыслям. Нужно использовать любую информацию, чтобы узнать о своем положении.

Стражник бросает на меня напряженный взгляд, и я понимаю, что он меня боится. Он быстро встает и уходит, так и не сказав мне ни слова.

Ох, дела мои плохи.

Я оглядываю камеру и понимаю, что здесь даже окон нет. Значит, это тюрьма для особо опасных. Но почему на стражах форма магистрата? Я в его подвалах?

Часы тянутся мучительно медленно. Меня не кормят, не

допрашивают, не отвечают на вопросы.

Иногда я проваливаюсь в тревожную дрему, когда усталость тела берет верх. Но кашель заставляет меня вздрогнуть.

Я резко сажусь, и в глазах темнеет. Приходится подождать, пока обессиленное тело снова вернется в норму, а кровь дойдет до мозга, прежде чем разглядеть судью Гейдара по другую сторону решетки.

Я торопливо встаю на ноги, отряхиваю с платья солому, приглаживаю волосы. Замечаю, что он выглядит удивительно свежим и отдохнувшим, а еще очень довольным. В его руках свиток из дорогой ткани, которая буквально кричит о своем высоком происхождении из самых богатых уголков замка. И от вида этого свитка у меня по телу дрожь.

Видела я уже такой несколько раз на площади, когда оглашали королевские указы. И вряд ли при таком отношении ко мне здесь там что-то хорошее для меня.

Но крохотная надежда все равно не покидает меня. Это маленькая вера в чудо, которая позволяла получать радости от мелочей, даже когда нет крыши над головой, а желудок пуст.

— Ну что, юная леди, отдохнули? — спокойно и весьма доброжелательно спрашивает он.

В отличие от времени, когда мы ездили по домам, судья совершенно расслаблен. Видно, что чувствует себя хозяином положения.

— Мягкая перина и сытный ужин совсем меня избаловали, господин. — Я могу позволить себе только такую форму сарказма.

Он хмыкает, чуть склоняет голову, чтобы заглянуть за мою спину, где как раз собрана лежанка из сена.

Я не выдерживаю и спрашиваю:

— Что с ситуацией в городе, господин судья?

Гейдар прекращает усмехаться, и его глаза становятся двумя кубиками льда:

— А вы не знаете? Как только мы заключили причину бедствия в магическую темницу, так сразу треск в очагах и прошел.

Несколько мгновений, пока я осознаю сказанное, мы смотрим друг другу в глаза.

Это меня заключили под стражу. И это тюрьма магистрата. И это я прогоняла черное пламя, а значит, он говорит про меня.

— Что вы хотите этим сказать, господин судья? Вы же со мной бок о бок спасали жизни горожан! — Я специально беру его в свою команду, объединяю нас словесно, но он тут же выставляет руку со свитком вперед.

— Попрошу! Я ничего с вами не делал. Наоборот, как только понял, так сразу принял меры по аресту и заключению вас под магическую стражу. И вот указ!

Он разворачивает свиток и прочищает горло, пока я до боли сжимаю прутья решетки. Я уже знаю, что услышу: при-

говор.

Глава 19

Судья Гейдар разворачивает свиток. Пергамент шелестит в гробовой тишине каземата, и этот звук похож на шепот осужденной души. Он кашляет, и эхо разносится по каменному коридору.

— «Выслушайте приговор по делу о массовой гибели горожан, — начинает он, и его голос, некогда сухой и ровный, теперь звучит торжественно и гулко, будто в соборе. — Обвиняемая Амели, уличная девчонка из Дикорозии без имени рода, известная также как одна из бесполезнышей. По результатам расследования, проведенного Верховным Судом при содействии Магистратума, установлено...»

Я вжимаюсь в холодные прутья, пытаюсь уловить каждое слово, каждую интонацию. Мои пальцы белеют от напряжения.

— «...установлено, что обвиняемая, обладая подозрительным и малоизученным даром общения с низшими духами, сознательно и злонамеренно привнесла в дома горожан губительную магию. Под видом помощи и спасения она распространяла проклятие, известное как "Одержимость очага"».

Воздух перестает поступать в легкие. Я открываю рот, но не могу издать ни звука. Это бред. Это кошмар. Дурной сон.

— Я? — спрашиваю пересохшими губами.

— Конечно! Ведь вы единственная, кто мог видеть это пламя, юная леди. Не так ли? — продолжает Гейдар, и в его глазах пляшут огоньки холодного торжества. — Удобно, не правда ли? Нет свидетелей, кроме самой обвиняемой. Нет доказательств, кроме ее слов. Зато есть результат: в домах, куда она входила, духи-хранители исчезали навсегда, оставляя жилища беззащитными. А сами жители...

Он делает паузу для драматизма и продолжает:

— ...становились слабее, будто что-то вытягивало из них жизнь. Совпадение? Суд так не считает.

— Это ложь! — вырывается у меня хриплый крик. — Я спасала их! Я вдыхала это пламя, чтобы оно не сожрало их! Вы же видели! Вы стояли рядом!

Гейдар даже бровью не ведет и будто не слышит меня.

— «Более того, — читает он дальше, — действия обвиняемой привели к неконтролируемой панике, нарушению общественного порядка, подрыву доверия к городским властям и Магистратуму. Ее вмешательство лишь усугубляло ситуацию, создавая видимость борьбы с бедствием, которое она же и породила. "Одержимость очага" прекратилась сразу после ее изоляции, что является неопровержимым доказательством ее вины».

Они не просто боятся меня, поэтому заперли. Нет. Им нужен козел отпущения. Им нужна причина, почему всемогущие маги не смогли справиться с напастью. Им нужен простой ответ для напуганного города, и я идеально подхожу на

эту роль — уличная девчонка со странным даром. Бесполезныш, за которого никто не вступится.

Но откуда он знает, что я вижу черное пламя? Почему не говорит о треске в очаге?

Гейдар продолжает, и его голос режет как нож:

— Вас обвиняют в применении запретной магии, приведшей к гибели двухсот сорока четырех жителей города. В создании общественной паники и нанесении непоправимого ущерба магической инфраструктуре города через уничтожение духов-хранителей. Признаете ли вы свою вину?

Он смотрит на меня поверх свитка. В его взгляде нет ни капли сомнения. Есть только расчет и удовлетворение от хорошо выполненной работы.

Я отталкиваюсь от решетки, делаю шаг назад в полумрак камеры. Внутри все холодеет, но не от страха, а от ярости. От тихой, черной, похожей на то самое пламя в очагах злости. Она медленно заполняет пустоту за ребрами.

— Говорили мне: не суйся, — со смехом вспоминаю я слова братьев по улице.

Гейдар морщится, как от неприятного запаха.

— Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

— И что же мне грозит? — спрашиваю, чувствуя онемение языка.

Он снова поднимает свиток, и в его голосе звучит торжественная, бесчеловечная формальность:

— «На основании вышеизложенного и руководствуясь

статьями Магического кодекса о нейтрализации неконтролируемых магических угроз, Верховный Суд постановляет: признать обвиняемую Амели из Дикорозии виновной. В силу невозможности безопасной ликвидации или содержания источника угрозы в пределах цивилизации приговариваем ее к вечному изгнанию в Пустошь за Великой стеной. Приговор привести в исполнение немедленно, без права на возвращение. Да будет она выброшена за пределы нашего мира, как выносятся за порог смертоносные отходы».

Пустошь.

Слово повисает в воздухе, холоднее любого камня в этой камере. Земли за Стеной, где, как гласят легенды, царит хаос, бродят чудовища, искаженные древней магией, а сама реальность тонка и рвется.

Это не смерть, а небытие хуже смерти. Медленное угасание в абсолютном одиночестве, в месте, откуда не возвращаются.

Глава 20

Холодный ветер пронизывает до костей, забирая последние остатки тепла, а я смотрю на магическую стену, что защищает родное королевство от монстров Пустоши, одним из которых теперь считают и меня.

Вот и спасай людей! Отплатят так, что мало не покажется.

Обычно я никогда не жалею о сделанном, предпочитая действие бездействию. Выбирая знать, чем дело кончится, чем мучиться потом от мыслей «а что было бы, если бы».

Но сейчас впервые в жизни жалею.

Не потому, что спасла горожан, а потому, что лишилась своей единственной семьи, которая осталась где-то там в часовне в далекой Дикорозии.

Как они там? Чейз, должно быть, обивает пороги мэрии, а Каспер точно стоит по ту сторону стены. А как младшие? Надеюсь, не заболели от расстройства.

А бабушка Хлоя? Очень рассчитываю на фантазию старших — пусть придумают достоверную причину моего исчезновения, ведь правда может сильно ударить по слабому здоровью нашего ангела-хранителя.

— Они даже побоялись меня казнить, — говорю я вслух.
— Вдруг пламя снова вырвется.

Пламя, которое затаилось во мне. И кто знает, какие последствия я от него получу. Но лучше страх, чем ненависть.

Пока они меня так боятся, не посмеют тронуть и пальцем.

Чего не сказать о монстрах Пустоши. Мне даже оборачиваться назад страшно. Где-то там ходят чудовища, искаженные древней магией. Яростные, голодные, злые. И их вряд ли остановят мои слова о черном пламени во мне — съедят до последней косточки.

Я обхватываю себя руками и зябко ежусь. Сколько у меня есть времени без еды и воды? День? Два? Три?

Это если повезет быть несъеденной.

Я сажусь на сухую землю, покрытую глубокими трещинами, и смотрю на свое старое платье. Надо было послушаться Каспера и купить себе новое. Хотя бы раз в жизни.

С другой стороны, зачем тратить деньги, которые нужны семье? Пусть лучше купит ботинки для Ноа. Какая мне разница, в чем здесь прозябать?

И тут мурашки бегут по шее вверх до самого затылка, волосы встают дыбом. Ощущение беды, которое никогда не подводило меня на улицах Дикорозии, сейчас вопит об опасности.

Но не слышно ни шороха, ни топота, ни рыка. И, только внимательно прислушиваясь, я улавливаю легкую вибрацию земли.

Она медленно нарастает, и уже сложно не заметить, как мелкие камешки у ног начинают подпрыгивать.

И вдруг прямо в десяти шагах от меня из земли начинает отделяться нечто. Спина колесом, а вместо лица нагромож-

дение мелких камней и земли с двумя глубокими впадинами в бездну взгляда.

У этого чудовища нет лап, и оно двигается словно с самой поверхностью этой земли, а воздух вокруг него будто мерцает.

Редкая сухая трава скручивается и рассыпается в пыль, стоит ему приблизиться.

Я вся подбираюсь, оглядываюсь по сторонам, собираюсь бежать вправо, когда монстр вдруг замирает. Два бездонных провала глаз смотрят на меня.

И тут у меня под ребрами словно что-то приходит в движение. Возникает то самое ощущение наполненности черным пламенем, которое я чувствовала, когда поглощала огонь.

Со стороны странного чудища ощущаются волны интереса. Искрящие тонкие молнии, что пронизывают воздух вокруг него, начинают тянуться ко мне. Он словно прощупывает меня, примеряется.

Неожиданно все эти молнии и искры устремляются в провалы на лице, и те наполняются жизнью и фиолетовым цветом. Чудище обретает глаза, открывает зев пасти и издает протяжный, вибрирующий стон.

От боли я зажимаю уши и вижу, как этот монстр увеличивается в размерах.

И тут Пустошь наполняется новым звуком — нарастающим гулом, который трудно спутать с чем-то другим.

Я смотрю в небо и вижу мощного дракона с огромными крыльями, который вылетает из-за стены и исполинской тенью накрывает нас обоих.

Глава 21

Каждый взмах его крыльев как разрыв ткани неба — глухой и мощный, резкий до дрожи. Хочется вжать голову в плечи, но я начеку.

По земле в круговом танце заходятся десяток пыльных смерчей, и у меня создается ощущение, что этот дракон управляет самим ветром.

По коже пробегает волна мурашек от осознания. Черная чешуя, смерчи по земле, граница с Пустошью — это же все про великого и ужасного генерала Скарда!

Я встречалась с ним однажды и никогда не хотела бы повторить.

Монстр замирает, направляя светящиеся провалы глаз вверх, и его пасть вытягивается. Смерчи двигаются прямо к нему, собирая по пути мелкие камни, темнеют с каждой секундой.

Я же отползаю назад и прижимаюсь спиной к Великой стене, а потом вскакиваю на ноги. Пока монстр отвлекается, у меня появляется шанс сбежать, и я им пользуюсь — несусь со всех ног вправо.

Мне совсем не хочется встречаться с дядей моей первой любви, который два года назад сделал все, чтобы мы расстались.

Ноги проваливаются в песок, и я вкладываю еще больше

сил в каждое движение, лишь бы убежать. Улица давно научила меня, что жизнь от смерти может отделять секунда промедления и нужно пользоваться любой возможностью.

Песчинки засыпаются в обувь, попадают между пальцами, а через секунду я теряю правую туфлю. Скидываю левую, даже не оборачиваясь и не думая, почему земля вдруг обратилась в зыбучие пески.

И в этот момент тень снова накрывает меня, скользит по песку ровно в темпе моего бега.

Неужели он прилетел убить меня, а не монстра?

Великая каста драконов — самая почитаемая и обладает почти безграничными связями. Все они так или иначе связаны с военной силой, и самый страшный из всех — генерал Скард, охраняющий границу с Пустошью.

Безжалостный и самый сильный дракон из ныне живущих. Говорили, что движениями крыльев он может управлять воздухом, а взглядом — прожигать насквозь.

Когда-то я уже испытала на себе его взгляд в человеческом облике. В день, когда моя любовь закончилась катастрофой. В день, когда умер Лерой — мой возлюбленный и его племянник. В день, когда он встал между нами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.